Трио неизвестности

Автор:
Вадим Панов

Трио неизвестности

Вадим Юрьевич Панов

Герметикон #9

Хитрость против подлости, доблесть против ярости. Противники сошлись в прямом бою, исход которого непредсказуем. Загадочная Мартина позади, гибель Тринадцатой Астрологической экспедиции раскрыта, впереди – таинственная Близняшка, неизвестная Урия и тщательно охраняемые секреты Консула: несомненно – гения, несомненно – злодея. Помпилио Чезаре Фаха дер Даген Тур оказался на его территории, но не в его руках, сможет ли Помпилио вырваться из ловушки, в которую завела его лингийская дерзость? Прорвётся ли "Пытливый амуш" к звёздам сквозь аномалию и урийское сверхоружие? И что будет, если в следующий раз они увидят звёзды находясь в эпицентре идеального шторма Пустоты…

Продолжение космического цикла «Герметикон» с элементами стимпанка. Новая планета – новые проблемы, которые требуют жестких решений. Старые и новые враги, сражения, победы и поражения во вселенной межзвездных перелетов на цеппелях и алхимических технологий.

Вадим Панов – двукратный обладатель титула «Фантаст года», а так же жанровых наград «Портал», «Звездный мост», «Басткон», «Филигрань» и многих других. Суммарный тираж всех проданных книг – больше двух миллионов экземпляров. В новой части "Герметикона" читатель встретится с непревзойденным Помпилио и его неординарной командой.

Вадим Панов

Трио неизвестности

© Панов Ю.В., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Пролог

в котором везение и внимательность дарят надежду на великое будущее

Доводилось чувствовать себя мёртвым?

Ну, или почти мёртвым? Потерявшим всякую надежду на спасение?
И потерявшим не по слабости характера, а по объективным причинам: твой цеппель[1 - Значение этого и других принятых в Герметиконе терминов можно посмотреть в словаре.] скрипит всеми шпангоутами, из пятого баллона фонтанирует газ, третья мотогондола сорвана и навсегда осталась в Пустоте, вторая работает, но толку от неё нет, потому что лопасти пропеллера невероятным и неведомым образом погнуты, и на оставшихся четырёх двигателях можно идти лишь на средней скорости. Но это только часть проблем. Малая часть. А основная заключается в том, что ты не знаешь, где находишься. Ты стоишь на капитанском мостике, смотришь на невиданный, запредельно прекрасный пейзаж и понимаешь, что никто и никогда сюда не добирался.
А звёзды, что сияют над головой, не указаны ни в одном астрологическом атласе. И ещё ты видишь, что планета, на которую тебя занесло по прихоти Пустоты, безжизненна настолько, насколько может быть безжизненным мёртвое.

Ты стоишь, смотришь на невероятный пейзаж и понимаешь, что надежды нет.

Никакой.

И ты чувствуешь себя почти мёртвым. А потом слышишь, как твой старший помощник спрашивает у астролога, знает ли тот, где они оказались. Астролог отвечает, что нет, и тогда старший помощник, человек, с которым ты прошёл половину Герметикона, который не раз и не два доказывал свою храбрость, человек, в котором ты ни разу не усомнился и которого считал другом, твой старший помощник достаёт пистолет и стреляет себе в голову.

А ты даже не оборачиваешься.

Потому что только что вышел из такого шторма, по сравнению с которым придуманный галанитами ад покажется муниципальным парком для воскресных прогулок. Ты не оборачиваешься, потому что медленно, очень медленно осознаёшь, что едва не погиб. Что чудом избежал смерти – настоящей, которая навсегда, и это осознание придавливает так сильно, что хочется махнуть стакан бедовки. Залпом. И ещё – очень хочется сесть и заплакать, впервые за многие годы – сесть и заплакать, слезами выдавить из себя напряжение и страх. Но ты не можешь. Ты здесь главный, и если цепари почуют слабость – вам точно не выбраться. Цепари должны тебе верить.

Цепари должны верить в тебя.

И вот теперь ты оборачиваешься. Бросаешь равнодушный взгляд на труп старшего помощника, щелчком сбиваешь со штурвала окровавленный кусочек кости и взглядом заставляешь рулевого вернуться на пост. Астролог вызывает уборщиков. Ты смотришь в потухшие глаза цепарей, видишь в них обречённость и прикидываешь: как скоро на борту вспыхнет бунт? Бесцельный и бессмысленный – от страха. От того, что слетят запреты. И в этом бунте погибнут все, но главное – остатки надежды.

Ты понимаешь, что бунт будет, но не показываешь виду, говоришь, что на планете могут быть сильные ветры, и приказываешь укрыться в гигантском кратере. Цеппель неспешно – потому что не может быстро – опускается к подножию колоссально высокого, почти отвесного внутреннего склона и приземляется, потому что нужно вывести цепарей на твёрдую почву, дать подышать и успокоиться. Ты тоже выходишь – после шторма Пустоты это необходимо, – с удовольствием прогуливаешься, дыша полной грудью, кашляешь, возможно, от непривычного воздуха, и неожиданно понимаешь, что прямо перед тобой на поверхность выходит знакомая порода. Очень редкая

порода. Настолько редкая, что во всём Герметиконе существует один-единственный рудник, в котором эту породу разрабатывают в промышленных масштабах. А ты видишь её под своими ногами.

И напрочь теряешь спокойствие.

Ты кричишь, чтобы принесли лопату, и начинаешь копать, не обращая внимания на удивлённые взгляды. А когда цепари собираются вокруг – изумлённые, растерянные, напуганные, готовые к бунту, злые, – ты поднимаешь над головой обломок породы и кричишь.

Ты кричишь:

– Герметикон у наших ног! – И смеёшься. – Мир будет принадлежать нам!

И цепари – изумлённые, растерянные, напуганные, готовые к бунту, злые – тебе верят.

Глава 1

в которой заканчивается то, что началось на Мартине, Кира теряет старого друга, кажется, обретает нового и любуется необыкновенным зрелищем, Шилов принимает командование, Жакомо остаётся верным долгу, Магистр чувствует себя опозоренным, а Помпилио дер Даген Тур собирается сделать неожиданный шаг

– Мессер, я вижу звёзды!

Слабый голос алхимика прозвучал настолько неожиданно, что на него не сразу обратили внимание. Тем более цеппель изрядно тряхнуло прощальным «пинком Пустоты», вперёдсмотрящий покатился по полу, рулевой удержался, вцепившись в штурвал, а Помпилио и капитан Дорофеев спаслись лишь тем, что находились в креслах. Удержались… и через мгновение поняли, что дело не только в «пинке».

– Мы падаем? – поднял брови Помпилио.

– Мы теряем высоту, мессер! – подтвердил рулевой.

«Пытливый амуш» действительно шёл вниз, несмотря на то что в сражении не получил повреждений.

– Бедокур, что происходит?! – прорычал в переговорную трубу вскочивший на ноги Дорофеев.

– Я стараюсь, капитан! – ответил шифбетрибсмейстер. – Сбрасываю балласт.

Движение вниз заметно замедлилось. На мгновение на мостике установилась тишина, в которой отчётливо прозвучал голос Квадриги:

– Я вижу звёзды…

И это – наконец-то услышанное – сообщение вызвало у капитана логичный вопрос:

– Галилей, где мы находимся?! – который он задал машинально.

– Базза, не время! – поморщился Помпилио, также поднимаясь с кресла.

– Да, мессер! – опомнился Дорофеев. И распорядился: – Малый вперёд!

– Ваш кофе, мессер, – невозмутимо произнёс поднявшийся на мостик Теодор.

И отступил к стене, увидев, что хозяин отрицательно мотнул головой. Некогда. Дер Даген Тур принял у радиста микрофон и громко произнёс:

– Капитанам доложить обстановку!

«Пытливый амуш» вошёл в Пустоту через «окно перехода» противника – гигантского цеппеля катамаранного типа. Вошёл, несмотря на отчаянный риск подобного прыжка. Вошёл, не зная, где окажется. Вошёл, потому что дер Даген

Тур не мог отпустить врага, с которым не закончил бой на Мартине: во-первых, чтобы узнать, откуда он явился; во-вторых, потому что не мог бросить абордажную команду. А вслед за «Амушем» рискованный манёвр повторили все вымпелы маленькой эскадры: исследовательский рейдер «Дэво», импакто «Стремительный» и паровинг, которым управляла Кира дер Даген Тур. Все без колебаний пошли за Помпилио и понятия не имели, где находятся.

Впрочем, сейчас это не имело значения.

– Вижу противника! – громко сообщил вперёдсмотрящий. – Строго на восток!

– Дальномер! Дистанцию!

– Есть!

Дорофеев бросил быстрый взгляд на Помпилио, который официально командовал эскадрой, увидел короткий кивок – они понимали друг друга без слов – и склонился к переговорной трубе:

– Мерса!

– Капитан? – мгновенно отозвался алхимик.

– Ракеты?

– Устанавливаем последнюю.

Офицеры «Пытливого амуша» понятия не имели, что такое безынициативность: отстрелявшись, Мерса тут же принялся готовить следующий залп, прервался на время межзвёздного прыжка, но стоило цеппелю выйти из Пустоты – вернулся к работе.

– Нам очень нужно положить катамаран на землю!

– Но…

– И как можно быстрее.

– Да, капитан!

– Готовность?

– Три минуты.

– Огонь открывай без команды! Я обеспечу дистанцию.

– Да, капитан.

– Мерса!

– Да, капитан?

– Нам очень это нужно. Мы на территории противника, и у нас нет времени с ним возиться.

– Да, капитан. Я сделаю.

Дорофеев отставил трубу, подошёл к лобовому окну гондолы и внимательно посмотрел на гигантский цеппель, находящийся впереди, но чуть ниже «Амуша» – из-за размера он просел в здешней атмосфере глубже рейдера – и потому неспособный вести артиллерийский огонь. Лингийцы тоже не стреляли, опасаясь навредить находящимся на борту катамарана десантникам.

– Средний вперёд. Высоту держать.

– Капитаны, оглохли? – рявкнул Помпилио, который до сих пор не услышал командиров подчинённых кораблей.

– Импакто «Стремительный» переход завершил, – доложил дер Шу. – Потерь нет.

– Рейдер «Дэво» переход завершил, потерь нет, – доложил Капурчик.
И добавил: – Здесь что-то не так с атмосферой.

«Дэво» как раз появился слева от «Амуша», но гораздо ниже, провалился метров на двести и шёл у каменистой поверхности, едва не касаясь гондолой острых скал. «Стремительный» был выше метров на пятьдесят, не больше, но дер Шу не жаловался.

– Здесь вообще всё не так, – отрезал дер Даген Тур. – Приспосабливайтесь быстрее! Вы нужны мне в строю, а не под ногами…

Помпилио закашлялся, и, воспользовавшись паузой, капитаны бодро ответили:

– Есть, мессер.

– Есть, командор.

Судя по тому, что оба цеппеля начали неспешно набирать высоту, дер Шу и Капурчик уже указали своим шифбетрибсмейстерам на возникшую проблему и те приняли меры.

– Паровинг!

– Я не удержу машину, командор, – сквозь зубы ответила Кира. – Мне очень жаль.

– Так…

Дорофеев резко повернулся и посмотрел на дер Даген Тура. Впрочем, не только он: и радист, и рулевой, и вперёдсмотрящий – все сейчас смотрели на Помпилио. А дер Шу и Капурчик внимательно вслушивались в эфир. Паровинг – не цеппель, в него невозможно добавить гелий из резервных баллонов или сбросить балласт. Паровинг тяжелее воздуха, а здесь, судя по всему, оказался фатально тяжелее.

Дер Даген Тур побледнел, но продолжил говорить прежним уверенным тоном:

– Насколько всё плохо?

– Иду на аварийную.

– Принято. Постарайся приземлиться как можно ближе к катамарану.

– Катамаран ещё в воздухе, – заметила Кира.

– Ненадолго.

– Я поняла…

– Базза!

– Работаем, мессер, мы на расстоянии удара. – Капитан «Амуша» вновь перевёл взгляд на катамаран.

– Тридцать секунд! – долетел из переговорной трубы голос алхимика. – Держите курс и высоту.

– Принято, – ответил рулевой прежде, чем Дорофеев подтвердил приказ.

– Паровинг, удачи, – очень коротко и сухо произнёс дер Даген Тур.

– Спасибо, мессер.

В принципе – всё, в бою добавлять нечего, но на аварийную посадку крылатую и очень тяжёлую машину вела женщина, которую он обожал, и Помпилио не сдержался:

– Кира…

– Я постараюсь, любимый, – тихо ответила рыжая. – Я очень постараюсь.

– Да поможет нам Добрый Маркус… – Ничего больше он сейчас ни сказать, ни сделать не мог.

Вернул микрофон радисту и подошёл к боковому окну, напряжённо разглядывая идущий к земле паровинг.

///

«Да поможет нам Добрый Маркус…»

Кира не была лингийкой, но стала ею, никогда не считала себя религиозной, но видела, как несокрушимый, всегда уверенный в себе, а главное – не часто бывающий в храмах Помпилио не стыдится и не стесняется обращаться к небесному покровителю Линги. И потому сейчас, с огромным трудом удерживая паровинг в воздухе, рыжая одними губами прошептала:

– Да поможет нам Добрый Маркус… – эхом повторив слова мужа и вверив себя тому, в ком дер Даген Тур не сомневался.

Второй пилот вздохнул, но промолчал. А остальные члены экипажа, возможно, повторили слова нехитрой молитвы.

«Да поможет нам Добрый Маркус…»

При всех своих несомненных достоинствах паровинг был сконструирован по схеме «летающая лодка» и не предназначался для посадки на землю: ни штатно, ни аварийно. Тем более в условиях слабой атмосферы, когда снижение превращается в плохо управляемое падение на безжизненную каменистую пустыню. А падение означало верную смерть. И надеяться оставалось лишь на Доброго Маркуса да мастерство Киры, которой предстояло совершить невозможное.

– Пристегнуть ремни и держаться!

Двигатели натужно ревут, но подъёмной силы отчаянно не хватает, высота исчезает на глазах, и рыжая мечтает об одном – о времени. Ей нужно время, чтобы подготовиться, и каждая минута в воздухе – на вес золота.

Нет – дороже. Ведь нет ничего дороже жизни.

Машина предназначена для воды, но воды нет. Под паровингом только скалы и валуны. Которые становятся всё ближе… Кире страшно, но она говорит:

– Экипажу приготовиться к жёсткой посадке. – И твёрдости её голоса может позавидовать иной генерал.

Второй пилот закусывает губу. Радист шепчет молитву, шепчет безостановочно, с того момента, как понял, что паровинг падает. Бабарский вздыхает и спрашивает у Крачина порошок от укачивания. Крачин обзывает его идиотом.

Ровных площадок внизу предостаточно, однако они усеяны хаотично разбросанными валунами, скалами и их обломками, столкновение с которыми может стать фатальным. Кира знает, что ей нужно хотя бы двести чистых метров, и внимательно ищет подходящее место. И внутренне готовится садиться на валуны.

– Правее… – шепчет второй пилот, вовремя сообразивший, что высматривает командир. – На два часа.

– Принято.

Высота – сто.

Кира плавно входит в вираж, прищуривается, разглядывая указанную вторым площадку, кивает, соглашаясь с тем, что она подходит, но замечает проблему – три высокие скалы по курсу.

– Сразу за ними – вниз.

– Если дотянем.

Девяносто.

В эфире слышны голоса, но Кира их не различает. Она выжимает из двигателей всё возможное и держит штурвал. Смотрит на приближающиеся скалы и… не думает ни о чём. Вообще ни о чём. Просто смотрит на них и делает всё, чтобы паровинг прошёл выше.

Шестьдесят.

У второго на лбу пот, а на губах – кровь. И он тоже смотрит на скалы, которые вот-вот их убьют.

– Скорости бы…

Кира не отвечает. Ей кажется, что второй левый двигатель стал захлёбываться, но думать об этом не нужно. Сейчас – не нужно. Сейчас нужно держать штурвал и надеяться, что Добрый Маркус улыбнётся своим лингийцам, верным, но непутёвым, оказавшимся так далеко от дома. Улыбнётся и поддержит падающий паровинг. Даст время, о котором так мечтает рыжая.

И Кира улыбается ему. Но больше не просит и ничего не шепчет, а изо всех сил сжимает штурвал.

Сорок метров.

Самая высокая скала чиркает по брюху паровинга, но чиркает нежно… рвёт обшивку, но не сбивает. То ли Добрый Маркус помог, то ли посиневшие от напряжения руки. Паровинг вздрагивает, но проходит. Скрежет разорванной обшивки заставляет нервно вздрогнуть всех, кроме Киры – ей некогда. Рыжая изо всех сил задирает машине нос, направляя паровинг на землю, как на воду. И кричит, предупреждая:

– Сейчас!

Удар.

Кажется, кто-то вскрикнул, но эти звуки – за пределами восприятия. Кира слушает машину.

Удар.

Левое крыло отламывается. Паровинг заносит, но не сильно. Он несётся по земле, окончательно разрывая многострадальное пузо и стремительно теряя скорость.

Удар – на пути оказывается большой валун, и машина слегка подпрыгивает. Судя по грохоту, у паровинга отвалился хвост, но в заднем отсеке быть никого не должно. Кира останавливает двигатели и прислушивается. Криков больше нет. Бабарский сообщает Крачину, что «ты сам идиот».

– Посадка завершена, – громко произносит Кира. – Машина погибла. Потерь среди экипажа нет.

И слышит голос мужа:

– Отличная работа, командор.

– Благодарю.

– Мы обеспечим эвакуацию в течение часа.

– Да, мессер.

Больше всего на свете Кире хочется прижаться к груди мужа и замереть, успокоиться, чувствуя его силу, но… Чуть позже.

– Крачин! – рявкает дер Даген Тур. Он молчал, пока паровинг выполнял едва управляемое падение, но раз машина на земле, а потерь нет – для старшего помощника «Пытливого амуша» тут же находится дело.

– Да, мессер? – отзывается подошедший к рации Аксель.

– Если есть возможность, присоединись к десанту. Передай Панару, что мне нужны атласы, карты и, по возможности, астролог и старшие офицеры с катамарана. Ну и в принципе посмотри, как там и что.

Дер Даген Тур полностью доверял штаб-майору Панару и его егерям, но если есть возможность отправить в эпицентр событий своего человека, почему бы ею не воспользоваться?

– Да, мессер.

Аксель бросил взгляд на Киру – формально она сейчас являлась его непосредственным командиром, – увидел кивок, распахнул дверь, спрыгнул на землю и замер, прикидывая, куда рухнет приговорённый к уничтожению катамаран.

///

Хотя со стороны – для тех, кто ничего не знал о «Пытливом амуше» или не видел предыдущего сражения, – противостояние исследовательского рейдера и грандиозного катамарана казалось шагом отчаяния. Размеры цеппелей, слабое вооружение «Амуша» – всё, абсолютно всё говорило о том, что лингийцы обречены и начинают самоубийственную атаку лишь для того, чтобы спасти лицо.

Но это – взгляд со стороны.

По обычным меркам исследовательский рейдер не был сильно вооружён, лишь пулемёты и две пушки, но при этом «Амуш» нёс абсолютно новое, грозное оружие – ракеты, придуманные Бедокуром и начинённые особенной смесью Мерсы. Летели они не далеко, с точностью наведения существовали проблемы, как и с надёжностью самих ракет, но если они добирались до цели, то устраивали на борту сильнейший пожар, побороть который до сих пор не удавалось самым вышколенным командам. «Амуш» уверенно клал на землю даже тяжёлые крейсеры, и алхимик не сомневался в том, что катамаран разделит их участь. Расстояние до противника небольшое, а положение идеальное: Дорофеев поставил «Амуш» напротив левой «сигары» катамарана – лучшую мишень представить трудно.

– Команде – в укрытие! – громко распорядился Мерса.

Помощники молниеносно скатились по лестнице в помещение под пусковой платформой, алхимик же в последний раз проверил наведение, поджёг шнуры и последовал за подчинёнными. Люк с лязгом захлопнулся, и через двадцать секунд четыре ракеты стартовали к гигантскому цеппелю.

///

– Как они это делают? – пробормотал Иля Сямчик. Старший помощник капитана галанитского цеппеля наблюдал ракетную атаку второй раз в жизни, и вновь – с изумлением. Не привык. Не мог осознать, что четыре тонкие чёрные палочки – четыре металлические трубы, несущиеся сейчас к левой «сигаре» катамарана, – способны положить чудовищную машину на землю. Они выглядели забавно, как шутихи, но оказались смертельно опасными.

– Не знаю, как делают, но подробный отчёт я уже составил, – тихо ответил стоящий рядом Зиновар Капурчик. – Это чудо-оружие.

– Мы сможем его повторить?

– Полагаю, да. Мы знаем идею, всё остальное – вопрос технологий. – Ракеты вонзились в катамаран, и капитан «Дэво» запустил секундомер. – Интересно…

– Вижу, ты не сомневаешься в успехе… лингийцев, – обронил Сямчик.

– Сейчас от их успеха зависят наши жизни, – ответил Капурчик. – Нравится тебе это или нет.

Потому что без чудо-ракет «Пытливого амуша» у небольшой эскадры не было и шанса.

– Жить мне нравится, – хмыкнул старпом. – А вот чудо-оружие лингийцев – нет. Во всяком случае до тех пор, пока оно есть только у них.

– С этим не поспоришь… – Капурчик поднёс к глазам бинокль. – Обшивка начала нагреваться.

– Так быстро?

– Кто мог подумать, что корабельный алхимик «Амуша» – настоящий гений?

– У лысого все офицеры хороши, – буркнул Сямчик.

– В этом ты прав, – согласился капитан «Дэво», разглядывая стремительно краснеющую обшивку «сигары». – Сейчас катамаран потеряет управление и

начнёт падать.

– Если они не дураки, то стравят гелий из правых баллонов и постараются приземлиться. Жёстко, конечно, но без катастрофического удара.

– Если не дураки…

///

А дураками они не были.

Им просто не повезло нарваться на оружие, о котором они ничего не знали, и пропустить фатальный удар. Они пытались сбежать, но не получилось. Они приняли удар, но поскольку видели гибель других крейсеров, то знали, к чему готовиться.

– Пожар в правом корпусе!

– Локализовать! – рявкнул в переговорную трубу Капитан.

– Не получается!

– Мы горим!

Сидящий в кресле Магистр испуганно съёжился и втянул голову в плечи. Что выглядело весьма комично для его массивной фигуры, наряженной в чёрную униформу, чёрный плащ и чёрную фуражку… Выглядело бы комично, если бы не атака страшными ракетами. Магистр любил производить впечатление грозного вояки, но сейчас, проигрывая, растерял весь лоск.

– Они нас достали?

– Разумеется, – угрюмо ответил Третий, прислушиваясь к невнятным крикам из переговорной трубы. Он видел, как быстро погибли крейсеры сопровождения, и догадывался, что сейчас творится в правом корпусе.

Паника и смерть. Температура запредельная, горит даже то, что гореть не способно, а остальное – плавится. И погасить ужасный алхимический пожар невозможно при всём желании. Огонь подбирается к баллонам с гелием, прожигает их, и катамаран начинает заваливаться набок.

– Что будет дальше?

– То же самое, что с крейсерами.

– Я не хочу умирать, – взвизгнул Магистр.

Тонкий голос сочетался с его фигурой так же плохо, как поза перепуганного цыплёнка, но Третий даже не усмехнулся.

– Никто не хочет.

Палуба ощутимо накренилась.

– Левый корпус! Травите гелий! – громко приказал Капитан. – Выравнивайте цеппель, иначе нас перевернёт!

– Нас перевернёт? – не сдержался Магистр.

– Всё может быть.

– А мы… мы опускаемся?

Третий промолчал, глядя в окно и думая о том, насколько же глупо задавать сейчас такие вопросы. А Капитан не ответил, поскольку был слишком занят текущими делами.

– Мы опускаемся? – переспросил Магистр.

– Скажи спасибо, что не падаем.

– Что?

Третий повернулся к бледному как мел радисту и жёстко спросил:

– Ты подал сигнал тревоги?

– Да, – кивнул тот, облизнув губы. – Они выслали помощь, но ближайший крейсер в двух часах хода.

– Почему так далеко?! – взвизгнул Магистр.

– Мы не очень удачно прыгнули.

Потому что торопились покинуть место сражения и астролог навёл переход наспех. Просто чтобы уйти.

– Когда ляжем на землю, егеря наверняка продолжат абордаж, – бросил через плечо Капитан. – Лысому нужна информация.

– Они уже продолжают, – выдохнул толстяк – ему показалось, что он слышит выстрелы.

– Согласен, продолжают. У них вообще нет нервов.

Тридцать отборных лингийских егерей прыгнули на катамаран с другого цеппеля, начали захват, который прервался лишь во время перехода через Пустоту, и теперь продолжили атаку. Плевать они хотели на то, что катамаран горит и кренится, – у них приказ.

Третий подошёл к стоящему у двери телохранителю и очень тихо приказал:

– Приведи сюда астролога. Если не успеешь – убей.

– Приготовиться к жёсткой посадке! – объявил Капитан.

Магистр снова взвизгнул.

///

Раскалённая обшивка левой «сигары» не выдержала – лопнула, и на месте зловещих красных пятен появились открытые раны – смертельные, страшные, – из которых вырывались языки огня. Придуманная Мерсой смесь горела бешено, недолго, но бешено, её нельзя было погасить стандартными средствами пожаротушения, и потому урон всегда оказывался значительным. Точнее – фатальным. Ни один цеппель, который принял на себя удар кошмарных ракет, не остался в воздухе. И катамаран не стал исключением.

Он резко накренился, когда огонь добрался до баллонов с гелием. Показалось, что вот-вот перевернётся и рухнет, но экстренные меры помогли: из правых баллонов стравили газ, и гигантский цеппель стремительно пошёл вниз, отчаянно пытаясь тормозить двигателями и рулями высоты.

– Ну, во всяком случае, они стараются, – заметил Помпилио, для которого не стали сюрпризом действия команды гибнущего катамарана.

– Совершенно с вами согласен, мессер, – кивнул Дорофеев. Теперь, когда противник был повержен, капитан стал значительно спокойнее.

– Жёсткая посадка – это не катастрофа. Главное, они спасут свою чудовищную машину. – Дер Даген Тур кивнул на грандиозное сооружение из астрелия, которое катамаран нёс на главной палубе. – И однажды смогут вернуть её в бой.

– К сожалению.

– К сожалению, – согласился Помпилио. – Тем не менее экипаж продемонстрировал выучку и хладнокровие.

– Именно так, мессер.

– Нужно будет сказать об этом капитану катамарана во время допроса.

– Я напомню об этом, мессер.

– Благодарю, Базза, я знаю, что на вас можно положиться.

– Благодарю, мессер.

Убедившись, что с Кирой всё в порядке, а враг повержен, Помпилио, как и Дорофеев, позволил себе несколько расслабиться и вернуться к привычной манере поведения. С некоторыми нюансами, разумеется, но так диктовали обстоятельства.

– Теодор, – протянул он в тот момент, когда катамаран ударился о землю.

– Ваш кофе, мессер, – произнёс подошедший слуга. Кофейник был специальный, очень толстый, поэтому напиток не остыл.

– Это ужасно, Теодор, – вздохнул дер Даген Тур, забирая с подноса кружку. – Ты ведь знаешь, что я всегда пью кофе сразу после выхода из Пустоты. Где ты был всё это время?

– Прошу простить мою медлительность, мессер, – склонил голову Валентин.

– Я только что говорил капитану, что могу во всём на него положиться.
К сожалению, из всех присутствующих я могу так сказать только Баззе.

– Мне действительно очень жаль, мессер.

– Почему ты до сих пор не предложил капитану кофе?

– Я как раз собирался…

– Теодор, ты стал ужасно нерасторопен.

– Как вам будет угодно, мессер. – Валентин перевёл взгляд на Дорофеева. – Кофе?

– С удовольствием.

Кружка капитана – разумеется! – стояла на подносе, и Теодору оставалось лишь наполнить её:

– Прошу.

– Благодарю.

– Что-нибудь ещё, мессер?

– Скоро на борт поднимется Кира, полагаю, после всего пережитого ей потребуется расслабляющая ванна.

– Безусловно, мессер. – Валентин отвесил лёгкий поклон и покинул мостик.

А Помпилио подозвал к себе радиста и взял в руку микрофон:

– Внимание! «Амуш» и «Стремительный» начинают снижение. Приказ: провести эвакуацию. «Дэво» обеспечивает безопасность и наблюдение за местностью.

– Принято, – отозвался дер Шу.

– Принято, – ответил Капурчик.

– Приступить к снижению, – распорядился Дорофеев. – Пулемётные расчёты на изготовку! Прикрывать десант без приказа.

– Базза, обязательно отметьте в журнале, что приданные Экспедиции егеря проявили удивительную стойкость и необычайное мужество.

– Да, мессер.

Помпилио сделал глоток кофе и очень тихо сказал:

– Надеюсь, потери невелики.

///

Кира, конечно же, старалась посадить паровинг как можно ближе к месту падения катамарана, но в первую очередь её волновало не это, а собственно приземление, по возможности – удачное, поскольку рыжей очень хотелось остаться в живых. В результате паровинг уткнулся в землю приблизительно в полутора лигах от скал, на которые пятью минутами позже рухнул катамаран. Однако эти пять минут Аксель Крачин провёл с толком: прикинул направление, кашлянул – после посадки у него запершило в горле – и побежал экономным солдатским бегом, отметив про себя, что гравитация на новой планете несколько слабее привычной. В результате бежать, даже по пересечённой местности, оказалось легко, и три километра Аксель преодолел за неполные одиннадцать минут.

Что же касается необходимости его участия в десанте, Крачин о ней не задумывался: он был военным, получил приказ и был полон решимости его исполнить. К тому же находящимся на борту катамарана десантникам лишний ствол точно не помешает – их с самого начала было немного, и неизвестно, сколько осталось после боя, прыжка через Пустоту и катастрофического приземления. А ствол у Акселя был прекрасный – ручная бамбада по имени «Пятнашка». Крачин, как и Помпилио, был бамбальеро, и пусть он не достиг таких высот, как дер Даген Тур, стрелял он великолепно.

///

Всего тридцать.

Один-единственный взвод лингийских егерей, приданных импакто «Стремительный» и сброшенных на борт катамарана во время отчаянного сражения на Мартине. Тридцать десантников против сотни с лишним членов экипажа гигантского цеппеля. Но был нюанс – на «Стремительном» летели не простые лингийские егеря, заслуженно считающиеся одними из лучших пехотинцев Герметикона, а переодетые в их форму офицеры полка личной охраны дара Антонио Кахлеса – родного брата Помпилио, который просто-напросто не мог оставить младшего члена семьи без должного сопровождения. Девятнадцатая Астрологическая шла по опасному маршруту, отправить с ней эскадру дар не мог, но импакто и тридцать отборных головорезов выделил, и они зорко следили за безопасностью мессера Помпилио.

Ну и разглядывали красоты неизведанной планеты, на которую их занесла Девятнадцатая Астрологическая, принимали участие в повседневных экспедиционных делах, помогали учёным собирать образцы и опытные материалы, ловили мелкую живность, но при этом отчаянно скучали по основной работе и бурно обрадовались появлению врага. То есть насторожились, конечно, поскольку любое столкновение было угрозой для жизни Помпилио, но обрадовались, ведь наконец-то начали заниматься привычным делом.

И без колебаний согласились на безрассудное предложение дер Даген Тура прыгнуть на катамаран и попытаться взять его на абордаж. Под пулемётным огнём. Против неизвестного числа врагов. Но Помпилио сказал: «Чтобы выжить, мы должны сделать неожиданный ход», и штаб-майор Панар спокойно кивнул: «Мы сделаем». И они прыгнули. С одного цеппеля на другой.

Тридцать отчаянных лингийских головорезов.

Прыгнули – и сразу же атаковали ошарашенный, совершенно не ожидавший такого хода экипаж катамарана. Их попытались накрыть на палубе – из зенитных пулемётов, – но в игру вступила Кира, ухитрившаяся подавить самые опасные огневые точки и помочь егерям уйти с открытого пространства. А егеря, в свою очередь, сразу поняли, что управление катамараном осуществляется из четырёхуровневой надстройки, ворвались и укрылись в ней от беспощадного огня. Ну, как укрылись… укрываться следовало от них. Как говорили о полке личной охраны дара Антонио, «в нём служат или бамбальеро, или те, с кем лучше не связываться», и экипаж катамарана испытал истинность этого высказывания на собственной шкуре.

В узких внутренних помещениях егеря сменили карабины на пистолеты и ручные бамбады, однако эффективность их действий от смены оружия не уменьшилась. Пистолеты, бамбады и ножи. И ещё – бешеный лингийский натиск, противостоять которому могли только хорошо обученные солдаты, а отнюдь не рядовые цепари, не имеющие серьёзного боевого опыта. Всё, что смогли сделать телохранители Магистра и Третьего – забаррикадироваться на третьем уровне и не пропускать егерей выше. Поняв, что атака захлебнулась, Панар разработал следующий план, но реализовать его не успел – катамаран ушёл в Пустоту.

А когда переход завершился – продолжился воздушный бой.

///

Удар получился сильным, гораздо мощнее, чем ожидал Магистр. Впрочем, каким бы ни получился удар, он бы всё равно оказался сильнее, чем ожидал Магистр, и оглушительный визг толстяка заставил хладнокровного Третьего поморщиться. Но только его – остальные были слишком увлечены происходящим. Или сами кричали. Или ругались. Или рыдали от страха.

Героические усилия Капитана не пропали даром: гигантский цеппель не завалился, не перевернулся, а одновременно ударился о поверхность обоими корпусами. Причём правым, горящим, лёг на землю, а левым сел на скалы, разбив центральные баллоны, переломав шпангоуты и несущие и потеряв мотогондолы. Там же, в правом корпусе, находился арсенал, и взрыв стал достойным финалом картины гибели величественного катамарана.

– Экипажу немедленно покинуть корабль, – распорядился Капитан.

– Всем, кроме нас, – тихо добавил Третий.

– Я не хочу здесь оставаться! – подал голос Магистр. – Мы вот-вот взлетим на воздух.

– Лучше взорваться, чем оказаться в плену.

– Я хочу жить!

– Никогда бы не подумал, что Помпилио рискнёт использовать чужой переход, – покачал головой Капитан, разглядывая неспешно снижающийся импакто – «Амуш» остался чуть в стороне. – Он действительно безрассудно храбр.

– Он сделал ставку и выиграл, – пожал плечами Третий. – А теперь нужно постараться с ним не встретиться.

– Я не хочу умирать!

– Поднимите Магистра! – распорядился Капитан.

Плечистые телохранители получили от Третьего подтверждающий кивок и вдвоём, кряхтя, извлекли толстяка из кресла.

– Куда вы меня тащите?

– В бронированную капсулу, – ответил Капитан. – Они не смогут её вскрыть.

– Они ещё не приземлились!

Перепуганный Магистр напрочь позабыл о штурмующих надстройку десантниках, и даже доносящиеся выстрелы не помогли ему вспомнить о реальном положении дел.

– Они прорвались на третий этаж, – негромко доложил вернувшийся телохранитель. – Астролога пришлось застрелить.

Внизу прогрохотало три взрыва подряд, скорее всего гранаты. Капитан выругался, однако этим не ограничился и в сердцах бросил:

– Да из чего же сделаны эти твари?

И услышал сухой ответ Третьего:

– Если ты говоришь о лингийцах, то из неукротимости.

///

Пистолеты и ножи.

А когда их перестало хватать – гранаты.

Панар приказал устроить большую перестрелку у главной, самой широкой и удобной для атаки лестницы, показать, что егеря собираются идти на прорыв именно здесь, а когда защитники клюнули и почти все собрались на ней – взорвал проход на запасную, и пятеро его парней оказались на третьем уровне, обеспечив отличный плацдарм для развития успеха.

Их не смутил даже резкий крен, который экипажу катамарана удалось выправить с большим трудом: лингийцы поняли, что, выйдя из Пустоты, Помпилио продолжил бой, то есть не оставил их, отправился следом и теперь делает всё, чтобы поддержать. Поняли и приободрились. Ну а то, что мессер принял решение сбить гигантский цеппель, на котором они находились, их не взволновало: раз решил, значит, так надо.

Они чётко понимали, что удар о землю станет паузой, а не финалом, и знали, что нужно делать после – продолжать драться.

Кто-то сумел удержаться, кто-то покатился по коридорам, одному бойцу не повезло – сломавшаяся направляющая насквозь пронзила грудь, но все, кто мог продолжать бой, вернулись в него ещё до того, как гигантский цеппель перестал скрипеть и вздрагивать. Атаковали оглушённых врагов, безжалостно убивая всех, кто оказывал сопротивление, и на рывке добрались до последнего, четвёртого уровня. До капитанского мостика разбитого катамарана.

До пустого капитанского мостика.

///

Он сделал всё, что мог.

Несколько лет они провели вместе, несколько разных лет, вместивших в себя столько, что хватило бы на несколько жизней… На нём она училась летать, а потом – воевать, дома, на Кардонии, когда даже помыслить не могла, что станет женой одного из самых известных адигенов Герметикона. Выкупила его, отправила на полную модернизацию – хотела, чтобы её паровинг был самым лучшим в мире, и тем спасла от гибели во время ужасающего разгрома, который устроили им в Приоте. Затем он перебрался с ней на Лингу, был рядом в самые трудные дни, когда потерявшая всё на свете Кира собирала себя по кусочкам – поддерживал так же мягко и нежно, как Помпилио, отвлекал от горьких мыслей, помогал изучать новый мир; едва не сорвался в пике во время смертельного эксперимента, но вытянул, спас и себя, и хозяйку; отправился вместе с ней в опаснейшее путешествие по следам погибшей Тринадцатой Астрологической, честно сражался, наводя на врагов ужас, даже через Пустоту прошёл, а здесь не удержался. Местный воздух оказался для тяжёлой машины слишком лёгким, а

местной воды – второй стихии паровинга – здесь не оказалось вовсе.

И он погиб.

– Ты сделал всё, что мог, – тихо сказала Кира, прикоснувшись рукой к корпусу машины. – Спасибо.

Паровинг не ответил. Он умер.

– Мне очень жаль, адира, – вздохнул Бабарский. – И ещё… я хочу сказать спасибо. Сейчас сказать. Вам и ему.

– Не за что, ИХ. – Кира постояла ещё мгновение, после чего отвернулась, сделала два шага прочь и не глядя на Бабарского спросила: – Экипаж покинул машину?

– Да.

– ИХ, ты сделал то, что нужно?

– Да, адира.

– Тогда иди.

– Конечно, адира.

Кира подождала, пока Бабарский отойдёт на безопасное расстояние, подожгла шнур и не быстро, спокойным, неторопливым шагом пошла прочь. Не оборачиваясь.

Машина взорвалась в тот самый миг, когда она укрылась за ближайшим из больших валунов. А ещё через минуту над местом гибели паровинга завис «Пытливый амуш».

///

– Наблюдаю адиру, – громко доложил вперёдсмотрящий.

– С ней всё в порядке? – поинтересовался Помпилио.

Они с Дорофеевым стояли с противоположной стороны, внимательно разглядывая в бинокли происходящее у катамарана: «Стремительный» завис над останками поверженного монстра и периодически открывал пулемётный огонь по пытающимся сопротивляться врагам и уцелевшим огневым точкам.

– Так точно. Адира здорова и в безопасности.

– Откуда взялся дым?

– Адира взорвала паровинг.

– Понятно…

– Отдать приказ приземляться? – спросил Дорофеев, не отрываясь от бинокля.

– Полагаю, «корзины грешника» будет вполне достаточно, Базза, – хладнокровно ответил дер Даген Тур. – У нас нет времени приземляться.

– Да, мессер, – кивнул капитан, мысленно согласившись с тем, что нескольких человек можно поднять на борт без лишнего комфорта, и распорядился: – Приступить к снижению до пятидесяти метров! Команда «корзины» – начать эвакуацию без приказа! Медикусу приготовиться к осмотру.

– По завершении эвакуации возвращаемся к катамарану.

– Да, мессер. – Базза помолчал. – Насколько я могу судить, там всё развивается по плану.

– Согласен. – Помпилио позволил себе улыбку. – Они наверняка подали сигнал бедствия. Так что времени у нас немного.

– Не более двух часов.

– И это – в лучшем случае. – Дер Даген Тур опустил бинокль. – Базза, продолжайте наблюдение, а я отлучусь к «корзине».

– Конечно, мессер.

///

– Начинаю снижение и приступаю к эвакуации, – доложил дер Шу.

– Принято, – отозвался Дорофеев.

– Принято, – подтвердил Капурчик, наблюдая за тем, как наземная команда, спустившаяся со «Стремительного» в «корзине грешника», крепит якоря к палубным надстройкам катамарана. Десантников было много, кроме того, среди них наверняка были раненые, поэтому дер Шу принял решение не просто посадить крейсер, а посадить так, чтобы снять лингийцев прямо с палубы катамарана, благо размеры вражеского корабля это позволяли.

– Ловко, – одобрил Сямчик, оценив, с какой скоростью дер Шу ухитрился пришвартоваться к поверженному цеппелю.

– Лингийцы хорошо обучены, – согласился Капурчик. И наклонился к переговорной трубе: – «Макушка»!

– Да, господин капитан? – отозвался сидящий на самой верхней точке цеппеля наблюдатель. С «макушки», то есть со спины корпуса, открывался отличный обзор, что требовалось находящемуся в боевом охранении «Дэво».

– Доложить обстановку.

– Горизонт чист по всем направлениям.

– Хорошо. – Капурчик отставил трубу и повторил: – Хорошо.

– А вот мне кажется, что не очень, – негромко произнёс Сямчик.

– Что ты имеешь в виду?

– Лингийцы, – старший помощник кивнул на покидающих катамаран егерей. Некоторые из них тащили раненых, некоторые гнали перед собой пленных, остальные прикрывали отход. – Они не только хорошо обучены, но и весьма скрытны. Вряд ли они поделятся с нами всеми материалами, которые собрали на катамаране.

– Предлагаешь отправить собственную команду разведчиков? – с иронией осведомился Зиновар.

Сямчик поморщился:

– Ты прекрасно понял, что я имею в виду.

– Понял, – кивнул Капурчик. – Но мы не можем ничего изменить. И уж тем более – указывать дер Даген Туру.

– Да. Поэтому я и сказал, что всё не так уж хорошо.

– Но дер Даген Тур пообещал поделиться полученной информацией, и я не вижу повода ему не доверять.

– Даже так?

– Он держит слово, Иля, это общеизвестно. – Капурчик усмехнулся. – К тому же мы находимся неизвестно где, сражаемся неизвестно с кем, и я не хочу портить отношения со спутниками.

– Зачем нужны отношения, если мы ничего не получаем? – поинтересовался Сямчик.

– Мы живы, – напомнил капитан. – Эти ребята не спрашивали, зачем мы явились, а с ходу атаковали нас на Мартине. Мы должны были погибнуть и живы лишь благодаря дер Даген Туру.

Который сумел разобраться с происходящим, не позволил врагам применить своё главное оружие – установленную на катамаране машину – и опустил на землю крейсеры сопровождения.

– Ты ему благодарен? – неожиданно спросил Сям-чик.

Вопрос был явно провокационный, отвечать на него следовало осторожно, и желательно так, как принято у галанитов, которые не могли даже представить себя обязанными чем-либо негаланиту. Ведь все остальные – низшие, и все обязаны им. Но ответить так Капурчик не мог и потому ушёл от ответа:

– Лысый много для нас сделал, Иля. Очень много.

– Так и должно было произойти, – пожал плечами Сямчик.

– А что тебе ещё нужно? Карты этой планеты? Уверен, мы их получим. Астрологические атласы? Их тоже нет смысла скрывать: сюда можно попасть лишь через Лингийский сектор.

– Меня интересует не только где мы, но и что здесь происходит? Компания хочет знать все местные тайны.

– А вот на этот вопрос мы вряд ли получим ответ: уверен, что те члены экипажа, которые располагают этой информацией, или мертвы, или надёжно спрятались, – развёл руками Капурчик. – А от рядовых цепарей толку мало.

– Уверен?

– Уверен. Но если Помпилио повезёт, я буду рад.

– Почему?

– Потому что он дал слово ничего от нас не скрывать. И не скроет.

///

Принять полноценное участие в бою у Акселя Крачина не получилось: он успел вовремя, прибежал, когда егеря ещё продолжали зачистку надстройки, только вот взобраться на главную палубу катамарана, которая даже после катастрофы возвышалась над землёй примерно на сорок метров, оказалось нетривиальной задачей. К счастью, Дорофеев не забыл предупредить дер Шу о приближении Крачина, наблюдатели «Стремительного» засекли его, сразу поняли проблему и скинули верёвку с «кошкой», с помощью которой Аксель и взобрался на катамаран. Но уже после того, как основная перестрелка завершилась, то есть оставшиеся в живых члены команды катамарана перестали покидать укрытия и попадаться егерям на глаза. Командира взвода Крачин отыскал на капитанском мостике, который лингийцы как раз потрошили, собирая в мешки все найденные карты, атласы и прочие документы. Обыск проходил во всех помещениях надстройки, а кроме бумаг егеря забирали всё, что казалось им интересным или непонятным.

– Штаб-майор.

– Рад вас видеть, Аксель, – улыбнулся стоящий у штурвала Панар. Он был единственным, кто не участвовал в обыске, но внимательно следил за работой подчинённых. – Как добрались?

– Неплохо.

Рассказывать о жёсткой посадке человеку, который только что испытал все «прелести» падения на землю в горящем цеппеле, Крачин счёл неуместным. Да и не время. Панар, в свою очередь, не стал расспрашивать, почему прикрытие с воздуха обеспечивают «Дэво» и «Стремительный», а не быстрый паровинг. Не время.

Но уточнил:

– Всё в порядке? – имея в виду экипаж паровинга. А в первую очередь, конечно же, Киру.

– Все живы, – кашлянув, подтвердил Аксель.

– Что мессер велел передать на словах?

Панар оставался без связи с того момента, как прыгнул на катамаран, что случилось ещё на соседней планете, и прекрасно понимал, что Помпилио отправит к нему нарочного при первой же возможности.

– Документация? – поднял брови Аксель, несмотря на то что прекрасно видел происходящее.

– Собрали всё, что нашли на мостике, в капитанском сейфе и кабинете астролога.

– Астролог?

– Его застрелили свои, когда поняли, что мы их заблокировали.

– Ожидаемо.

– Вполне.

И Панар, и Крачин были опытными военными и прекрасно понимали жёсткость системы сохранения важных тайн: секретные карты, секретные шифры – их тщательно берегли, прятали, а если не получалось – уничтожали. Так же как и носителей этих важных тайн. Учитывая загадки, с которыми Экспедиции довелось столкнуться на Мартине и здесь, астрологов можно было рассматривать в качестве источников ценнейшей информации, и не было ничего удивительного в том, что противник принял меры к недопущению утечки.

– Старшие офицеры?

– Полагаю, командование укрылось в потайной комнате, возможно, бронированной, мы пока не можем её отыскать, а если отыщем – вряд ли вскроем… – Панар помолчал. – Сколько у нас времени?

– Думаю, в пределах часа.

– В таком случае нужно довольствоваться документами и теми пленными, которые уже есть.

– Кого удалось взять? – поинтересовался Аксель.

– Из интересных – сменного рулевого и двух вахтенных офицеров.

– Как вы узнали, что он рулевой?

– Сам признался. Попросил не убивать, потому что может быть полезен.

– Проверим, – улыбнулся Крачин. – Ставишь на него?

– Да, – кивнул Панар. Откашлялся и продолжил: – Вахтенные более упёртые.

– Где они?

– В соседнем помещении.

Под охраной одного скучающего егеря.

И кто из них рулевой, можно было с лёгкостью определить, даже не будь на них формы со знаками различия: молодой парень был настолько напуган, что вскрикнул, услышав звук открывающейся двери. Поймал презрительный взгляд одного из офицеров, вздрогнул и низко опустил голову.

– Вам не жить, – сказал второй офицер, с ненавистью глядя на вошедших лингийцев.

– Да, мне говорили, – чуточку рассеянно отозвался Аксель.

– Сегодня вам повежло, но вы только ражожлили нас, ражожлили Магистра! Вы даже не представляете, какое гнеждо ражворошили!

Офицер бросил быстрый взгляд на рулевого, и стало понятно, что пламенную речь он произнёс не потому… или – не только потому, что являлся фанатиком, а в попытке поддержать расклеившегося парня.

– А противостоять нам не можете – вас найдут и убьют.

– Именно об этом я и хотел поговорить, – неожиданно произнёс Крачин.

– О чём? – опешил офицер.

– Совершив прыжок, вы наверняка попытались связаться со своими, подали сигнал бедствия и сообщили о местонахождении. Полагаю, в настоящий момент сюда изо всех сил торопятся крейсеры, встречаться с которыми мы пока не планируем. Нам нужно время, чтобы осмотреться и продумать следующий шаг.

– Времени у вас нет.

Аксель поднял указательный палец, призывая офицера замолчать, но тот рассмеялся:

– Вы не жнаете, где находитесь, и не жнаете, куда идти. Пока вы будете осматриваться – вас окружат и…

Поскольку указательный палец не сработал, Крачин протянул руку и сдавил пленному горло.

– Время у нас есть, но его мало. Поэтому с этого момента говорить вы будете, только отвечая на мои вопросы. Понятно?

– Радуйся, что у меня свяжаны руки, – выдохнул офицер.

– Радуйтесь, что представляете для меня интерес. – Аксель выразительно посмотрел на пленника, кашлянул, прочищая горло, и перевёл взгляд на рулевого: – Мне нужен курс, который уведёт нас подальше от вашей базы и ваших кораблей.

– Ты его не получишь, – прорычал второй офицер.

– Если я его не получу, вы не будете иметь в моих глазах ни малейшей ценности.

Крачин расстегнул кобуру.

– Ты нас убьёшь? – хмыкнул первый офицер. – Бежоружных?

– Вы причастны к гибели Девятнадцатой Астрологической экспедиции, к гибели моих друзей, – сухо напомнил Крачин. – Да, я вас убью. Как я только что сказал, я бы сразу вас убил, но нам кое-что от вас нужно и мы готовы заплатить.

– Если убьёшь – как ужнаешь курс?

– Положимся на удачу, – пожал плечами Аксель, вытаскивая бамбаду. – Не в первый раз.

Штаб-майор зевнул, прикрыв рот пальцами левой руки. Причём зевнул по-настоящему, с удовольствием, – устал.

– Я нажову курс, – прошептал бледный как мел рулевой.

– Предатель! – Первый офицер дёрнулся, но Панар удержал его за плечо.

– Прекрасно. – Бамбада вернулась в кобуру. – Штаб-майор, эти двое должны быть доставлены на «Амуш». А молодого человека я буду сопровождать лично.

///

– Значит, курс…

– Для того чтобы не встретиться с неприятелем, мы должны идти на юго-юго-восток, – ответил Дорофеев.

– Откуда такая уверенность? – поинтересовался Помпилио. Он не участвовал в допросе, только что поднялся на мостик и пребывал в прекрасном расположении духа: Кира жива, не ранена, а самое главное – снова рядом, под его защитой. Окружённая заботой и вниманием.

– Курс сообщил рулевой с катамарана, мессер, в настоящий момент Аксель продолжает его расспрашивать. И если желаете…

– Нет, Базза, пока я не настроен беседовать с местными. – Дер Даген Тур откашлялся и поджал губы, показывая капитану, что предложить ему разговор с простолюдином было странной и неуместной идеей. – Тем более с какими-то там рулевыми.

– Понимаю, мессер. – Дорофеев едва заметно улыбнулся. – Что же касается уверенности, она основана на том, что сражение с любым встреченным крейсером противника мы начнём с того, что выбросим рулевого за борт. – Пауза. – Пленник поставлен об этом в известность и не сомневается в нашей решительности.

– Он молод?

– Весьма.

– Хочет жить?

– Более чем.

– Может стать источником полезной информации?

– Полагаю, да, мессер, но точный ответ старший помощник даст в течение часа.

– Где они?

– Я приказал Бедокуру выделить для переговоров одно из подсобных помещений.

– Прекрасно… Что Галилей?

– Разбирается с картами и атласами. При необходимости присоединится к Акселю. – Базза кашлянул, подумав, что на этой планете у него на удивление часто першит в горле, и продолжил: – Мерса готовит следующие ракеты. Хасина перешёл на «Стремительный» и занимается ранеными.

– Вы поступили правильно, Базза. – Теперь выдержал паузу Помпилио. – Среди егерей потери большие?

– Девять убитых и семь раненых. Трое – тяжело.

– Выживут?

– Хасина не уверен.

– Жаль. – Дер Даген Тур вздохнул. – Нужно будет особо отметить в журнале проявленное егерями мужество. Необычайное мужество. Позаботиться о государственных наградах и пенсиях семьям погибших.

– Безусловно, мессер. – Капитан не стал напоминать, что Помпилио уже просил отметить в журнале проявленную егерями отвагу, отложил бинокль и понизил голос: – Могу я узнать, как чувствует себя адира?

– К счастью, не ранена и не пострадала во время посадки. Несколько расстроена потерей паровинга, и ей необходим отдых.

– Прекрасно понимаю, мессер. Как прошёл её переход через Пустоту?

– Сносно. Полагаю, за ужином Кира поделится с нами наиболее запомнившимися подробностями.

– Будет интересно послушать. – Дорофеев был ямаудой, человеком, не подверженным воздействию Знаков Пустоты, и любил расспрашивать обычных людей о переживаниях, испытанных во время межзвёздных переходов.

– Согласен. – Помпилио откашлялся. – Теодор!

– Мессер? – Откуда появился слуга, Дорофеев снова не заметил. Теодор Валентин обладал потрясающим умением оставаться в тени и оказываться на виду ровно в тот момент, когда Помпилио требовалось его присутствие.

– Теодор, мы с капитаном в настроении чего-нибудь выпить. На этой планете нас одолевает меланхолия и какое-то першение… Базза?

– С удовольствием, мессер.

– А першение?

– Я тоже обратил внимание на приступы странного кашля, мессер.

– Прекрасная наблюдательность.

– Спасибо, мессер.

– Теодор?

– Полагаю, чёрный чай с ореховым ликёром, мессер?

– Неплохо, – подумав, согласился дер Даген Тур. – Но перед ним – ячменной бедовки на два пальца.

– Прекрасный выбор, мессер. Мне нужно десять минут.

– Вечно ты ни к чему не готов, Теодор.

– Мне очень жаль, мессер.

– И заставляешь нас ждать.

– Десять минут, мессер.

Когда же Валентин покинул мостик, Помпилио перевёл взгляд на Дорофеева и негромко, чтобы не услышал рулевой, произнёс:

– А теперь, Базза, нам с вами нужно понять, где же мы, ядрёная пришпа, находимся. И как отсюда выбраться.

* * *

– Почему ты думаешь, что мы отсюда не выберемся? – спросил удивлённый Шилов.

– Я так не думаю, – взял назад Алецкий. – Я выразил осторожное сомнение в том, что это возможно.

– Почему? Что заставляет тебя нервничать?

А самое интересное заключалось в том, что Матиас Шилов ничуть не играл, он действительно не понимал, что вызвало у Алецкого сомнения в исходе предприятия.

– Ну… – Капитан научного цеппеля «Эл Шидун» запнулся, не зная, как ответить, поразмыслил и решил быть искренним: – Потому что из Тринадцатой Астрологической экспедиции вернулся только Галилей Квадрига. А наша экспедиция, Девятнадцатая, судя по всему, разделила судьбу Тринадцатой. Но Квадрига на борту «Пытливого амуша», «Амуш» неизвестно где, а мы с тобой…

А они где-то в северном полушарии Мартины, планеты, которую должна была исследовать Девятнадцатая Астрологическая. И их всего двое: тихоходное, невооружённое научное судно и захваченный Шиловым крейсер «Яртекмунуль», который бравый лингиец не задумываясь переименовал в «092» – так назывался грузовик, на котором он явился на Мартину. Их двое, и единственное, что они знают точно, так это то, что дер Даген Тур двигался в сторону северной полярной зоны, из которой, как уверял сумасшедший астролог «Амуша», можно было дотянуться до звёзд.

Все эти обстоятельства и вызывали у Алецкого сомнения.

А изложил он их во время совещания тет-а-тет, которое они провели на земле, – Матиас сказал, что по возможности следует соблюдать режим радиомолчания.

– Хочешь сказать, что мы разделим судьбу Тринадцатой?

– Выразил опасения…

– Больше оптимизма, дружище! – рассмеялся Шилов. – Мы живы, мы свободны, и мы вооружены – чего тебе ещё нужно для хорошего настроения?

– Очень хочется домой, – не стал скрывать Алецкий.

– Мы живы, мы свободны, и мы вооружены, – повторил Шилов. – Это необходимые условия для возвращения. Осталось придумать, как это сделать.

Не заразиться его оптимизмом было решительно невозможно, и Алецкий неожиданно для самого себя подумал, что их положение не такое уж плачевное. Осторожно подумал. И вздохнул, понимая, что никогда не будет таким же яростно дерзким, как его новый, но, судя по всему, очень хороший друг – капитан лингийского военно-воздушного флота Матиас Шилов, до сих пор прикидывавшийся капитаном скучного лингийского грузовика. Причём яростная дерзость Шилова не была наигранной, демонстративной – Алецкий видел, что лингиец действительно пребывает в отличном расположении духа и готов к любым неожиданностям. Особенно – к хорошей драке.

И смутить его было решительно невозможно.

Находимся на планете, с поверхности которой не видны звёзды? Ерунда! Враги ведь отыскали способ их видеть, значит, и мы разберёмся!

Экспедиция разгромлена, остатки кораблей рассеяны по планете, и встреча с противником грозит гибелью? Разумеется, грозит – они горько пожалеют, если попадутся нам по пути!

А чтобы всё стало совсем хорошо, нужно отыскать мессера Помпилио, доложить обо всём, что случилось во время его отсутствия, и вернуться под его командование. Во-первых, потому, что мессер точно знает, что нужно делать. Во-вторых, если Помпилио потеряется, это обязательно вызовет гнев дара Антонио, так что лучше найти Помпилио и потеряться вместе с ним, ибо, кроме гнева дара Антонио, бесшабашный Шилов ничего по-настоящему не опасался.

«Ну а в-третьих, – подумал про себя Алецкий, – дер Даген Тур возможно сумеет призвать «развеселившегося» Шилова к разумной осторожности».

Что же касается хорошего настроения Матиаса, оно было вызвано захватом лёгкого крейсера – вернувшись к привычному командованию полноценным боевым цеппелем, капитан Шилов почувствовал себя в своей тарелке и был не прочь продемонстрировать противнику умения.

– А самое главное, дружище, я располагаю крайне важной информацией о том, что происходит на Мартине и вокруг неё.

– Могу я узнать, откуда ты её получил?

– От бывшего капитана моего нового крейсера, – беззаботно ответил Шилов. – И хочу сказать, что на Мартине и вокруг неё творятся такие интересные дела, что следовало присылать не научную экспедицию, а полноценную ударную эскадру. Ничего личного, дружище, я с большим уважением отношусь к Астрологическому флоту, вы делаете важное и полезное дело, а мессер Помпилио и вовсе носит ваш мундир, но, при всём уважении, сначала этот гадюшник следовало зачистить из крупных калибров и прикончить всех, кто окажется на пути.

– Вижу, ты уже начал. – Не то чтобы Алецкий имел что-то против военных, но он искренне считал себя мирным человеком, и энтузиазм, с которым Шилов говорил о предстоящей войне, вызывал у него некоторое смущение.

– Нет, я лишь слегка размялся. – Шилов стал неожиданно серьёзным и ещё более неожиданно – грустным. – До тебя действительно не доходит, дружище?

– Что именно? – растерялся Алецкий.

– То, что они убили всех наших, – жёстко ответил Матиас. – Они убили всех, кого смогли: адмирала, офицеров, рядовых цепарей… всех парней, которых ты знал и с которыми шёл сюда. Убили за то, что мы сюда явились. – Пауза. – Тебя это не трогает?

– Мне жаль, но…

– Что «но», дружище? – перебил Алецкого Шилов. – Какое может быть «но»? Кровь пролилась. И не мы её пролили.

Да, с этим не поспоришь и Матиаса не переубедишь: в его картине мира пролитая кровь имела решающее значение. Относительно всего остального можно достичь компромисса, договориться, уступить, а вот кровь требует расплаты. Кровь прощать нельзя.

И лингийцы не прощали.

– И что теперь? – уныло спросил Алецкий.

– Отправляемся на поиски мессера и убиваем всех, кого встретим по дороге.

– А боеприпасов хватит?

– У меня есть оружие, значит, будут и боеприпасы. – Матиас вернулся к жизнерадостному тону. – Идём курсом, который указал тебе мессер, и надеемся на встречу. Сохраняем режим радиомолчания, переговоры – только семафором, так что не забудь поставить наблюдателя следить за моим семафорным постом.

– Можно вопрос?

– Разумеется.

– Почему ты решил, что из нас двоих главный – ты?

Не то чтобы Алецкому вдруг захотелось покомандовать – нет, просто капитана научного судна слегка покоробила безапелляционность, с которой лингиец присвоил себе право командовать, вот и решил уточнить.

– Потому что, пока мессера с нами нет, я – единственный, кто сможет вытащить вас отсюда, – с обезоруживающей наглостью ответил Шилов.

– Или угробить, – вздохнул Алецкий.

– Или угробить, – не стал спорить Матиас. – Но ты знал, на что шёл, когда согласился встать под лингийское командование.

– А я соглашался? – изумился Алецкий.

– Разумеется! – с энтузиазмом ответил Шилов и объяснил: – Мартина находится в нашем секторе Герметикона, мы прибыли на неё, дали ей имя, занесли в астрологические атласы и установили флаг. Так что в настоящее время ты находишься на территории Лингийского союза. А согласно лингийским законам, в случае чрезвычайных обстоятельств старший офицер имеет право, а в некоторых случаях – обязан, принять на себя всю полноту власти. А наши обстоятельства, дружище, не чрезвычайные – они дерьмовые.

* * *

Долго ждать и далеко идти не пришлось…

Вообще идти не пришлось: уткнувшийся в чужую землю паровинг ещё догорал, исчезая в огненной алхимической смеси, когда на укрывшихся за скалой лингийцев упала гигантская тень «Пытливого амуша». Приземляться Дорофеев не стал, да на это никто и не рассчитывал, сбросил с пятидесяти метров «корзину грешника» и стал набирать высоту, не дожидаясь, пока экипаж паровинга окажется на борту. А учитывая, что «Амуш» поднимался разворачиваясь, чтобы скорее вернуться к месту падения катамарана, путешествие в «корзине» получилось запоминающимся – болтало крепко. Но, разумеется, не шло ни в какое сравнение с только что пережитым падением.

На борту всех тщательно осмотрел Хасина. Состоянием Киры медикус остался доволен, но порекомендовал «как следует отдохнуть», затем явился Помпилио и лично проводил жену в каюту, где её поджидала ванна. Рыжая попросилась на мостик, но дер Даген Тур с улыбкой ответил, что «ничего интересного больше не будет – катамаран на земле», и рыжая подчинилась. Тем более после боя на Мартине, прыжка через Пустоту и гибели паровинга ей действительно требовался отдых.

Она задремала в ванне на пару минут, поняла, что усталость берёт своё, отправилась в спальню и вышла из неё лишь через пару часов – свежая, бодрая, в элегантном платье, идеально подходящем блистательной Кире дер Даген Тур, адире и светской даме, а не командору Астрологического флота. Валентин предупредил, что мессер ожидает супругу в кают-компании, в которой был сервирован лёгкий ужин, по окончании которого дер Даген Тур проводил рыжую

на открытую палубу – прогуляться и полюбоваться красотами новой планеты.

«Пытливый амуш» шёл на высоте сто пятьдесят метров, и погода стояла безветренная, что особенно благоприятствовало приятной прогулке на свежем воздухе.

– Кажется, я слегка простудилась в Пустоте, – пошутила Кира, облокачиваясь на перила. – В горле першит.

– Здесь все кашляют, – спокойно ответил Помпилио, остановившись рядом с женой так, чтобы плечом касаться её плеча. – Хасина и Мерса разбираются, из-за чего это происходит и что нужно делать.

– Думаешь, что-то серьёзное?

– Было бы серьёзное – мы бы уже почувствовали признаки недомогания, – ответил дер Даген Тур. – Полагаю, какая-то особенность местного воздуха, раздражающая наши дыхательные пути.

Ответил настолько уверенно и спокойно, что Кире захотелось податься вперёд и крепко прижаться к мужу. К всегда спокойному и хладнокровному мужу, широкоплечему, уверенному, сильному.

Внешне дер Даген Тур никак не походил на растиражированный, привычный всему Герметикону образ адигена: не очень высокий, плотный, лысый – как все чистокровные Кахлесы, он больше походил на простолюдина, нежели на представителя одного из древнейших адигенских родов Линги, а значит – всего Герметикона. В походе он предпочитал носить удобную цепарскую одежду, разумеется, пошитую на заказ, но Валентин предупредил хозяина, что Кира захотела появиться нарядной, поэтому Помпилио выбрал классический адигенский месвар – бордовый, расшитый золотом.

– Раздражающий наши дыхательные пути… – тихим эхом повторила рыжая фразу мужа. – Ещё одна особенность местного воздуха, помимо того, что он оказался слишком лёгким для паровинга.

– Мне очень жаль, Кира. – Он накрыл рукой её ладонь.

– Спасибо. – Она наконец-то уткнулась лбом в его плечо.

Он улыбнулся.

Она знала, что он улыбается.

– Ты доволен?

– Теперь ты на борту «Амуша». И мне намного спокойнее.

– Я вернусь на паровинг, – прошептала она, продолжая прижиматься к мужу.

– Я знаю.

– Сразу, как только появится возможность.

– Не сомневаюсь.

Он знал, что его рыжая красавица не может не летать, что ей нравятся скорость, командирское кресло и подрагивающий штурвал. А ещё дер Даген Тур знал, что если он попросит – Кира перестанет рисковать и навсегда откажется от паровинга. И сейчас очень удобный момент попросить… но он не станет этого делать. Ни за что не станет. Будет беспокоиться, бояться, но не попросит жену перестать летать.

– Спасибо.

Возможно, она прочитала его мысли.

Помпилио наклонился и нежно поцеловал Киру в губы. Она потёрлась лицом об его плечо, потом повернулась, чтобы они смотрели в одну сторону, и тихо сказала:

– Я даже представить не могла, что в Герметиконе сыщется планета красивее Мартины.

– Сама планета, будем справедливы, красотой не блещет, – пробурчал дер Даген Тур.

– Не придирайся.

– Я говорю лишь то, что вижу.

А видел он каменистую почву, собравшую в себя все оттенки бурого, такие же валуны, обломки скал и горы. Кратеры – от мелких, пяти-десяти метров диаметром, до гигантских. И полное отсутствие жизни. Ни растений, ни воды.

– Помпилио… – Кира вновь улыбнулась. – Ты прекрасно понимаешь, о какой красоте я говорю.

Он помолчал, тоже улыбнулся – рыжая поняла это по тому, с какой нежностью муж потёрся щекой об её щёку, – и негромко произнёс:

– Пустота умеет удивлять.

Согласившись с мнением жены.

– Думаешь, дело в Пустоте?

– Не сомневаюсь, что в ней, – кивнул дер Даген Тур. – Точнее, в аномалии, которая действует на Мартине, здесь и… по всей видимости – там.

– Здесь необычно.

– Необычно – весьма лёгкое определение того, что мы видим.

– Зато точное, – заметила Кира. – Красота не может быть стандартной.

– Наслаждению мешает непонимание происходящего.

– Ты меня дразнишь. Ты тоже восхищён.

Дер Даген Тур помолчал, после чего едва заметно улыбнулся:

– Да. – И поцеловал жену в шею. – Я действительно восхищён.

И было чем восхищаться.

Если гигантскую луну Мартины, которую адмирал дер Жи-Ноэль нарёк Близняшкой, ещё можно было сравнить с изумительной Деригоной, считающейся чудом Герметикона, то планета, на которой они оказались сейчас, аналогов не имела. Ничего похожего. Нигде. Она была частью удивительной системы, противоречащей всем законам астрологии и физики, нарушала каноны небесной механики, дерзко демонстрировала то, чего не может быть, и она… она была. И объяснить её существование получалось только аномалией. Причудой Пустоты, способной на всё так, словно была живой и развлекалась, складывая свои «кубики» в невероятные «домики». Невысокая гравитация, разреженный воздух и горизонт, находящийся ближе, чем следовало, говорили о небольших размерах планеты – однако она удерживала атмосферу. У неё не было собственной звезды, во всяком случае, до сих пор светило не появлялось, зато в небе улыбались друг другу два невозможно огромных спутника. И судя по всему, каждый из них был полноценной, пригодной для жизни планетой – с атмосферой и водой. И находились они настолько близко, что горы, моря и крупные озёра можно было разглядеть в простой бинокль. Если, конечно, их не скрывали облака…

Те облака, которые находились там, потому что здесь, на их каменистом пристанище, небо было абсолютно чистым.

– Одна луна на двоих? – прошептала Кира, увлечённо разглядывая необыкновенную картину.

– Возможно. Но в чём я не сомневаюсь, так это в том, что астрологи с ума сойдут от изумления. – Помолчал и добавил: – Не бортовые, конечно, а те, которые занимаются астрологией как наукой.

Потому что бортовые астрологи, перемещающие цеппели через Пустоту, и так считались сумасшедшими.

– Теперь я понимаю, почему ты любишь путешествовать.

– Пустота умеет удивлять, – повторил дер Даген Тур. Он мягко взял жену за руку и посмотрел в глаза: – Я очень испугался сегодня.

Кира промолчала. Но взгляд не отвела.

– Дважды испугался, – продолжил Помпилио. – Первый – когда ты направила паровинг в «окно» перехода.

– Ты в него вошёл, – коротко ответила рыжая.

– Я должен был так поступить, – сказал дер Даген Тур.

– И я.

– Ты сильно рисковала.

– Мерса проходил на паровинге через чужое «окно». Но никто не делал этого на цеппеле. Так что ты рисковал сильнее.

– Я должен был так поступить.

– Я – твоя жена, Помпилио, и я пойду за тобой куда угодно: в «окно», на войну, на бал, в театр, – твёрдо произнесла Кира. – Я всегда буду рядом. Где угодно. Против кого угодно. Я буду рядом. – Она помолчала и закончила: – Ты знал, на что шёл, когда женился на мне.

– По-другому и не нужно, – не менее твёрдо ответил дер Даген Тур. – Но я всегда буду за тебя бояться.

– А я – за тебя. – Она на мгновение прижалась к мужу, затем отстранилась и прищурилась: – А теперь скажи: ты вытащишь нас отсюда?

– Разумеется.

– Иного ответа я не ожидала.

* * *

Это был разгром и позор.

Но цеппель, даже гигантский катамаран с его уникальной машиной, можно восстановить или построить новый… Ведь цеппели гибли не только в бою, но и ломались во время ураганов, врезались в горы из-за неумелого управления, да, в конце концов, их можно было потерять в Знаках во время простейшего перехода через Пустоту. Потеря цеппеля – естественна, а вот как пережить унизительное поражение, не знал никто. Поражение в бою, который должен был стать пустой формальностью. В бою, исход которого ни у кого не вызывал сомнений. В бою, в котором три корабля: один военный и два плохо вооружённых рейдера, вдребезги разнесли пусть и небольшую, но отлично подготовленную эскадру, прибывшую даже не побеждать, а прихлопнуть наглецов, осмелившихся заявиться на Мартину[2 - Урийцы называют Мартину и Близняшку иначе, но чтобы избежать путаницы, в романе приняты лингийские названия планет.]. Два лёгких крейсера, доминатор и катамаран последовательно легли на землю, а заодно указали лингийцам путь на Близняшку.

Разгром и позор.

И приблизительно понятно, как к ним отнесётся Канцлер.

Но об этом старались не думать. То есть все, разумеется, держали предстоящий «разбор полётов» в уме, внутренне дёргались, прятали в карманы дрожащие руки, нервно шутили, слишком громко говорили, замирали от предчувствия неприятностей, но сейчас старательно, с подчёркнутым вниманием занимались текущими делами.

– Что там? – спросил Магистр. – Лингийцы улетели?

– Разведчики ещё не вернулись.

– Не слышу!

– Я скажу, когда станет ясно, – грубовато отрезал Капитан.

Третий улыбнулся. Не обозначил улыбку, как привык, а именно улыбнулся – во весь рот, поскольку его всё равно никто не мог увидеть.

Старшие офицеры Мартинской эскадры – Магистр, Капитан и Третий перебрались в бронированную капсулу после того, как гигантский катамаран, краса и гордость урийского воздушного флота, позорно рухнул на безжизненную поверхность Близняшки. Вскоре отключилось электричество, и следующий час им пришлось провести в полной темноте. И это обстоятельство изрядно смущало Магистра, раздражало Капитана, а Третьему позволяло не следить за мимикой, реагируя на высказывания толстяка так, как ему хотелось, а не как «правильно».

Связь с окружающим миром они поддерживали через проведённую в соседнее помещение переговорную трубу – в нём находились телохранители, и десять минут назад Капитан распорядился выслать разведчика.

– А вдруг его убили лингийцы? – продолжил расспросы Магистр.

Продолжил прежним, тонким голосом, который совсем не вязался с его массивной внешностью. Магистр был невероятно, а главное – очень неприятно – толст: одутловатое лицо, жирные щёки, толстый нос и складки, повсюду складки… Он был толст настолько, что с трудом стоял и двигался, поэтому, как правило, пребывал в креслах, а когда требовалось пройти больше сотни шагов, как правило делал их с помощью телохранителей. А вот одевался он так, как привык давным-давно, когда мог похвастаться другим сложением: кожаный плащ, полувоенный пиджак с воротником-стойкой, галифе и сапоги до колен. И очки с наглухо затемнёнными стёклами. Всё – чёрное. Ярко-чёрное. На том Магистре, который был быстрым волком, форма сидела идеально, а получившийся образ вызывал страх. Сейчас же он казался пародией на самого себя.

И от знаменитой храбрости мало что осталось.

– Что будем делать, если лингийцы взяли разведчика?

– Отправим следующего, – буркнул Капитан.

– А вдруг они его поймали, допросили, узнали, где мы прячемся, и сейчас идут к нам?

Говорить о том, что вскрыть бронированную капсулу можно лишь за пять-шесть часов изрядной возни, Капитан не стал. Промолчал. И слово взял Третий.

– Полагаю, лингийцы уже улетели, – мягко произнёс он. – Вряд ли они стали дожидаться спасательного отряда.

– То есть мы можем выходить?

– Давай дождёмся возвращения разведчика.

– А если он не вернётся?

Капитан, кажется, выругался – ни Магистр, ни Третий не разобрали слов в его невнятном бормотании. А затем снаружи постучали, и Капитан открыл переговорную трубу:

– Да?

– Можно выходить, – доложил телохранитель.

Спрашивать, что увидел разведчик, Капитан не стал – всё равно сейчас сам всё увидит, – подтвердил, что понял сообщение, открыл дверь и лучом фонарика указал на полулежащего в кресле Магистра:

– Помогите ему выбраться. – Корабль стоял под углом, поэтому самостоятельно покинуть капсулу и добраться до верхней палубы у толстяка вряд ли получилось бы.

Телохранители бросились исполнять поручение, а Капитан и Третий поспешили наверх, на грандиозную палубу, находящуюся меж двух «сигар». На палубу, на которой гордо возвышалась удивительная машина, способная смешать в кучу и отправить в Пустоту тридцать цеппелей разом. На палубу корабля, который ещё несколько часов назад казался воплощением человеческого Гения. А сейчас, разбитый и разграбленный, уныло валялся на скалах, а Урия и Мартина смотрели на него с усмешкой.

Как смотрят холодные звёзды на любого проигравшего.

«Сигары» смяты, разбиты, из той, которая горела, ещё струится дым. Баллоны, конечно, повреждены, возможно, не все, но многие. Угрюмые цепари выносят из внутренних помещений тела погибших и складывают около машины.

Разгром и позор.

– Они потеряли паровинг, – попытался найти хоть что-то хорошее Капитан.

– Мы его сбили? – оживился Третий.

– Совершил жёсткую посадку. Видимо, не удержался в здешней атмосфере. – И добавил то, что все и так знали: – Паровинги очень тяжёлые, намного тяжелее аэропланов.

Третий помолчал, тщательно обдумывая услышанное, а затем негромко спросил:

– Рыжая спаслась?

Капитан огляделся, убедился, что помощники далеко, а Магистра только начали пропихивать через узкие двери на палубу, и очень тихо ответил:

– Полагаю, да. В противном случае лысый не улетел бы, не убив всех нас.

– Пожалуй, – согласился Третий.

Они знали историю Помпилио, знали, как жестоко расплатился он с убийцами первой любви, с каким трудом обрёл вторую, и догадывались, что месть за Киру, случись с ней хоть что-нибудь, будет ещё страшнее. И потому Капитан и Третий не сговариваясь подумали о том, что их великий предводитель, наверное, допустил ошибку в расчётах. Да, он умён, точнее – гениален, да, он придумал машины, способные перевернуть Герметикон. Да, он вызывал уважение, почитание и страх, и оба они – и Капитан и Третий – верили ему беззаветно. И ещё шесть часов назад не сомневались в победе, будучи преисполнены уверенностью в своих силах.

Да, так было.

А потом они увидели людей, без колебаний пошедших в атаку на очевидно превосходящие силы – и разгромивших эти силы. Людей, рискнувших прыгнуть с одного цеппеля на другой в разгар воздушного боя, под пулемётным огнём – и взявших цеппель на абордаж. Людей, не побоявшихся войти в чужое «окно» – и так прошедших непредсказуемую Пустоту, и Пустота, видимо изумлённая подобной дерзостью, не показала им даже тень своих чудовищных Знаков. Они увидели этих людей и подумали, что лидеру следовало умерить гордыню и хотя бы попытаться договориться с лингийцами.

Они одновременно подумали об этом.

А вот Магистра, которого наконец-то подвели к Третьему и Капитану, беспокоило совсем другое.

– Он будет очень недоволен, – произнёс толстяк, уныло разглядывая останки корабля. Стоять на слегка накренившейся палубе Магистру было тяжело, но толстяк вцепился в поручень и кое-как справлялся, сам справлялся, поскольку отослал помощников, не желая, чтобы они слышали разговор.

– Он будет в ярости, – уточнил Третий.

– Ещё в какой, – вздохнул Капитан.

– Это наша общая вина, – поспешил напомнить Магистр. Обычно толстяк не отказывал себе в удовольствии подчеркнуть, что является главным в их небольшом коллективе, но позорный разгром заставил его изменить манеру поведения. – Мы принимали решения сообща.

Фраза прозвучала так жалко, что Третий поморщился, не забыв отвернуться, и подумал о том, что никогда не понимал, почему лидер благоволит толстяку. Да, звериная жестокость в наличии, как и готовность выполнить абсолютно любой приказ; преданность, больше походящая на рабскую покорность, тоже присутствует, и при этом – очевидная подлость характера. Третий прекрасно понимал, что случись что – Магистр предаст не раздумывая, предаст кого угодно, даже лидера, и знал, что лидер об этом знает. Но тем не менее продолжает назначать Магистра главным и поручать важнейшие операции.

– Что скажете?

– Операция была поручена всем нам, – угрюмо сказал Капитан. Сейчас он не мог ответить иначе.

– Да, – тихо подтвердил Третий, умудрившись сохранить на лице серьёзное выражение.

А толстяк, услышав, что товарищи не собираются сваливать вину на него, приободрился и следующий вопрос произнёс намного увереннее:

– Куда подевались лингийцы?

Капитан и Третий, от которых не ускользнула перемена в Магистре, обменялись быстрыми понимающими взглядами, после чего Капитан ответил:

– Взяли курс на северо-запад.

– В этом есть смысл? – Магистр неплохо знал Близняшку, но до сих пор не удосужился узнать, в каком именно районе планеты они находятся.

– Да, смысл есть, – произнёс Капитан. – Уходить отсюда на северо-запад наиболее оптимально. Там практически нет станций и баз, не ведутся разработки и потому есть лишь минимальная вероятность быть замеченными с земли или встретить патрульный цеппель.

– Они не могли угадать, куда идти.

– Свидетели утверждают, что лингийцы взяли в плен нескольких офицеров.

– Один из которых очень быстро заговорил, – ощерился Магистр. – Надеюсь, он будет жив, когда мы доберёмся до Помпилио: очень хочется поговорить с предателем особо.

На мгновение на лице толстяка появилось такое выражение, что Третьего передёрнуло. В душе. Внешне он остался невозмутим, потому что находился не в

тёмной капсуле и тщательно следил за выражением лица.

– Когда мы организуем погоню?

– Рация уничтожена, – развёл руками Капитан. – Мы не можем сообщить нашим, куда направились лингийцы.

– И что?

– Будем ждать, когда до нас доберётся первый цеппель.

– А лингийцы будут безнаказанно шляться по Близняшке?!

Капитан и Третий промолчали, ограничившись взглядами, в которых явственно читался вопрос: «И кто же в этом виноват?!», однако Магистр уже полностью пришёл в себя, вернулся к прежнему способу восприятия мира, в котором он непогрешим, а во всём виноваты окружающие, и не обратил никакого внимания на взгляды офицеров.

– Где радист? Почему он не уследил за рацией?

– Радист погиб, – сухо ответил Капитан. – Рация вышла из строя во время удара о землю.

– Когда за нами придут?

– Через час. Может, через два.

– Мы бездарно теряем два часа! – Магистр грубо выругался. – А Помпилио по-хозяйски летает по Близняшке!

– И кто знает, что он натворит, если мы не поймаем его в ближайшее время, – обронил Третий.

– Я не собираюсь его ловить. Я хочу его убить.

– Дер Даген Тур и его астролог нужны живыми, – сухо напомнил Капитан.

– А значит, рыжую тоже нельзя трогать, – добавил Третий. – Если мы случайно убьём его жену, брать Помпилио живым бессмысленно – он будет думать только о мести.

– Он – лингиец, когда мы его возьмём, он будет думать только о том, чтобы вырваться и перебить всех нас.

– А рыжая станет прекрасным рычагом влияния на него.

– Пожалуй, – согласился после небольшой паузы Магистр. И посмотрел вниз. – Я хочу спуститься на землю. Пусть наши люди это организуют. Пусть спустят кресло и разобьют палатку. И пусть принесут еды – я хочу есть.

– Конечно, – буркнул Капитан и жестом велел телохранителям толстяка подойти.

А Третий задрал голову и посмотрел на Мартину.

– Жаль, что нам пришлось её оставить.

– Мы просто ненадолго уехали, – выдохнул Магистр. Почесал второй подбородок и закончил: – Да и что может произойти на Мартине? Ведь Девятнадцатая Астрологическая полностью уничтожена.

* * *

– Увы, капитан. Двигатель мы восстановить попробуем – если Эггерт доставит нужные запчасти и эти запчасти окажутся в рабочем состоянии, то шанс на успех есть. А вот лопасти точно под замену. – Механик мрачно указал на гигантскую лопасть маршевого двигателя, которая неудачно приземлилась в крупный обломок скалы. – Нам ещё повезло, что она не вырвала мотогондолу.

Не вырвала, зато сломалась. А у соседнего двигателя – погнулась. И учитывая размеры и вес лопастей и тот факт, что на сбитых «Пытливым амушем» цеппелях они тоже могли оказаться повреждёнными, а если целыми, то их

придётся как-то снимать, тащить через лес и устанавливать на «Дрезе» без полноценного набора инструментов и механизмов, – учитывая перечисленное, ремонт корабля превращался в ещё более сложную задачу, чем казался изначально. Однако командир подбитого грузовика – старый капитан Жакомо – отступать не собирался.

– Согласен, с мотогондолой нам повезло… – Старик уверенным жестом поправил фуражку и улыбнулся: – Добрый Маркус не оставил нас даже здесь.

На окраине Герметикона, на таинственной, поглощённой аномалией Пустоты Мартине, обитатели которой изо всех сил старались их уничтожить.

– Честно говоря, капитан, ничем иным, кроме везения, я наше спасение объяснить не могу, – неожиданно продолжил разговор механик. – Я думал, нам конец. – Помолчал и закончил: – Все думали, что нам конец.

– Не все, – хладнокровно ответил Жакомо. – Добрый Маркус не помогает трусам, цепарь, странно, что ты – лингиец – об этом позабыл.

И усмехнулся – хладнокровно.

А механик густо покраснел.

Но если честно, и он, и капитан, и все цепари «Дрезе» прекрасно понимали, что, да – повезло. Невероятно повезло. Шли прямо над катамараном, получая в брюхо плотный огонь, матерились, дрожали, молились, погибали под пулями и снарядами, прошивающими обшивку снизу, но шли, десантируя на флагман неприятеля отчаянных егерей. Не верили, что прорвутся, и не прорвались – потеряли ход, когда вышли из строя две из шести мотогондол; потеряли высоту, когда снаряды зенитных пушек продырявили семь баллонов; потеряли управление, когда заклинило рули, и жёсткая посадка, которую пообещал Жакомо, напоминала падение.

Тем не менее обошлось: «Дрезе» сел хоть и жёстко, но всё-таки сел, не рухнул, а «Пытливый амуш» и «Стремительный» отправили на землю все корабли противника, оказав тем самым последнюю в этом сражении услугу экипажу грузовика – его некому было атаковать. Затем «Амуш» и оставшиеся в строю вымпелы ушли в «окно» катамарана, а Жакомо занялся рутинной работой:

провёл перекличку личного состава, отправил раненых к медикусу, мёртвых – в холодильник, остальным велел провести тщательную проверку систем корабля. Результат не обрадовал: «Дрезе» получил изрядно, однако виду Жакомо не подал. Объявил, что состояние цеппеля позволяет рассчитывать на проведение ремонта в полевых условиях, сформировал отряд под командованием старшего помощника Эггерта – им предстояло добраться до подбитых вражеских цеппелей и определить, можно ли снять с них необходимое «Дрезе» оборудование, а сам занялся инспекцией грузовика, лично изучая состояние цеппеля и подбадривая занимающихся ремонтом цепарей.

И добился своего – команда обрела уверенность. Абсолютное спокойствие старого капитана помогло подчинённым преодолеть первые, самые неприятные часы, когда казалось, что надежды на спасение нет, и вернуться в привычный рабочий ритм. А когда занят делом, панические мысли исчезают.

«Устройство сильно повреждено? Всё в порядке, сынок, так и должно быть – мы ведь потерпели катастрофу, просто напиши, чего тебе не хватает для ремонта, и мы попробуем это отыскать».

«Устройство не подлежит восстановлению? Всё хорошо, сынок, не расстраивайся, подумай, как без него обойтись».

Теоретически можно было обойтись и без разбитых мотогондол – скорость, конечно, упадёт, но Жакомо восстанавливал «Дрезе» не для того, чтобы вступать в бой или ставить рекорды, ему бы доковылять до полюса, увидеть звёзды и уйти с Мартины, а для этого достаточно и четырёх двигателей. Однако старик любил порядок во всём и готовился ремонтировать всё, что могло быть отремонтировано.

– Запасные части мы можем снять с подбитых цеппелей и принести сюда, но лопасти слишком велики, – вздохнул механик.

– Напиши, что они нужны, сынок, – распорядился Жакомо. – И не забудь указать их спецификацию.

– Да, капитан. – Механик помолчал, после чего тихо спросил: – Позволите вопрос?

– Я верю, что мы отремонтируем «Дрезе» и уйдём с Мартины, сынок, – твёрдо произнёс Жакомо, глядя цепарю в глаза. – Если ты об этом.

– Я об этом, капитан.

– Я верю и тебе советую.

– А…

– А пока мы должны чётко и неукоснительно выполнять свои обязанности, сынок. Потому что, если мы опустим руки, нам останется только верить, а этого мало, чтобы отсюда уйти.

Старик был честным олгеменом, чтил Доброго Маркуса – лингийского покровителя, но точно знал, что Добрый Праведник не станет приводить в порядок разбитый цеппель.

– Да, капитан.

– Возвращайся к работе, сынок. – Жакомо улыбнулся. – И не беспокойся – Эггерт добудет всё, что нужно.

– Уверен в этом, капитан, – кивнул механик. – Я знаю старшего помощника два года, он отличный офицер.

///

Потому что плохой офицер вряд ли дослужился бы до звания капитан-лейтенанта Лингийского воздушного флота, дарство Кахлес.

Спенсер Эггерт перешёл на «Дрезе» за месяц до того, как грузовик присоединился к Девятнадцатой Астрологической экспедиции. И перешёл именно потому, что грузовик собрался присоединиться к Девятнадцатой Астрологической. Лингийцы добавили к Экспедиции целых восемь вымпелов: грузовики с припасами, исследовательские рейдеры, даже лёгкий крейсер не забыли, превратив Экспедицию в небольшой флот, но команды приданных

цеппелей были укомплектованы исключительно военными – дар Антонио не хотел отпускать родного брата без надлежащего сопровождения, а остальные дары не желали рисковать исследованием Туманности Берга.

Что же касается «Дрезе», то грузовик принадлежал Помпилио, Помпилио абсолютно доверял капитану Жакомо, наотрез отказался его менять, но был вынужден согласиться с тем, что военные изрядно перетряхнули команду цеппеля, и теперь старшим помощником старика выступал Эггерт, усердно делающий вид, что всю жизнь ходил на скучных грузовиках.

Сразу после посадки Эггерт допустил непростительную оплошность – растерялся, потерял контроль и позволил себе усомниться в решении Жакомо, но быстро опомнился, взял себя в руки и теперь был полон решимости доказать капитану, а главное – себе, что тот досадный инцидент был разовой осечкой, вызванной чрезвычайными обстоятельствами. Старший помощник сам предложил сформировать боевую группу для исследования вражеских цеппелей и лично её возглавил. С собой, конечно, взял только своих ребят – военных, в которых был абсолютно уверен, и потому не сомневался в успехе предприятия. Да, его парни были цепарями, но цепарями Лингийского воздушного флота, а значит, умели не только исполнять свои прямые обязанности, но и обращаться с оружием, и не дёргались во время боя.

И потому единственный вопрос, который прозвучал во время инструктажа, заставил бы надуться от гордости любого адмирала:

«Сначала стреляем?» – спросил один из парней.

«Нет, – ответил Эггерт. – Мы заинтересованы в захвате старших офицеров и – особенно! – астрологов. Я понимаю, что в боевом столкновении возможно всё, но прошу, по возможности, стрелять обдуманно и убивать, лишь убедившись, что противник не представляет для нас ценности…»

Далее последовал стремительный марш-бросок в направлении подбитых цеппелей. Лингийцы прошли через лес, вброд форсировали небольшой ручей – однако Спенсер отметил, что из-за этой преграды с доставкой на «Дрезе» тяжёлых грузов могут возникнуть проблемы – а в километре от первого лежащего на земле корабля развернулись в цепь и начали неспешно прочёсывать местность. Эггерт рассудил просто: если бы среди выживших

цепарей противника оказался хоть один толковый офицер, он бы давно сформировал аналогичный отряд и направился изучать место падения «Дрезе». А раз они никого не встретили по дороге, значит, враги сидят или бродят вокруг разбитых кораблей и ждут, когда их спасут. Их нужно окружить, согнать в кучу, пересчитать, отобрать тех, кто может обладать важной информацией, а остальных… Что делать с остальными, Эггерт пока не придумал. Запереть в каком-нибудь месте и выставить охрану? Где найти подходящее место? Откуда взять охранников, если каждый человек на счету? К тому же пленников, наверное, нужно ещё и кормить, а в качестве «благодарности» они будут искать способы нагадить… С другой стороны, если оставшихся в живых членов экипажа просто отогнать выстрелами, они тоже будут гадить, только исподтишка…

Вот и думай: что лучше?

Старший помощник размышлял об этом всё то время, пока отряд приближался к первому лежащему на земле кораблю, а добравшись до него, с облегчением увидел, что враги сняли с него груз ответственности – цеппель оказался пуст.

Когда-то это был импакто, лёгкий крейсер галанитской, как определил Спенсер, постройки. Не новый, но далеко не устаревший, некоторые признаки указывали на то, что корабль вышел из эллинга примерно десять лет назад. Сейчас крейсер носил громкое, но ни о чём не говорящее лингийцам имя «Персистокцуотль» и пребывал в плачевном состоянии. Ракеты «Пытливого амуша» угодили в заднюю половину корабля и основной пожар разгорелся между гондолой и кормой. Цеппель потерял четыре баллона, но капитан – это Эггерт видел собственными глазами – до последнего момента пытался совершить жёсткую посадку, однако взорвавшиеся боеприпасы свели его усилия на нет. «Персистокцуотль» рухнул в густой лес – к счастью, не поджёг его – и до сих пор слегка дымил.

Ни в лесу вокруг, ни рядом с кораблём лингийцы не встретили ни одного живого врага – лишь останки цепарей, выпрыгнувших из горящего крейсера в надежде спастись. У самого «Персистокцуотля» трупов оказалось больше – их вытащили и аккуратно сложили, но вновь – ни одного живого. Впрочем, учитывая состояние корабля, оставаться рядом с ним не имело никакого смысла.

– Полагаю, они отправились к месту падения следующего цеппеля, – произнёс шифбетрибсмейстер «Дрезе».

– Или к доминатору, – вздохнул Спенсер.

– Или к нему.

Скорее всего к нему, потому что на тяжёлом крейсере наверняка находился старший по званию офицер и военные интуитивно старались оказаться под его командованием.

– Но внутри всё равно следует соблюдать осторожность.

– Разумеется.

– Ты войдёшь только после того, как ребята прочешут все уголки цеппеля.

– Их тут немного.

– Только после этого.

– Договорились.

Шифбетрибсмейстер был ценнейшим на корабле специалистом, руководил всеми техническими службами, и рисковать им Спенсер не собирался. Шиф отправился с отрядом, потому что точно знал, что необходимо снять с вражеских цеппелей, но всю дорогу его охраняли два цепаря, готовых и прикрыть, и закрыть его собой. Здоровенного офицера такое положение дел не очень устраивало, поскольку казалось унизительным, но Эггерт твёрдо сказал, что в противном случае он остаётся у «Дрезе», и тот подчинился.

– Боюсь, с этого цеппеля мы много не снимем, – негромко произнёс шиф, разглядывая растерзанный корабль.

– Их три, – напомнил Спенсер. – Надеюсь, в сумме они дадут нам нужное количество запчастей.

– Надеюсь…

Но закончить шифбетрибсмейстер не успел: изнутри послышались громкие голоса, кажется, ругань, кто-то кому-то пообещал оторвать голову, а затем в разбитом лобовом окне гондолы появился цепарь и радостно сообщил:

– Мы взяли пленного!

* * *

– Я просмотрел список того, что парни капитана дер Шу успели снять с катамарана, и хочу сказать, что несколько разочарован, – громко произнёс Бабарский. – Поверьте, мессер: мой визит за трофеями закончился бы намного продуктивнее.

Дорофеев хмыкнул и отвернулся, скрывая улыбку. Остальные офицеры последовали его примеру, только без звуков. Никто не сомневался, что за те двадцать минут, что были у цепарей со «Стремительного», ушлый ИХ сумел бы выпотрошить катамаран полностью, а остатки корпуса продать ближайшему старьёвщику на металлолом – о предприимчивости низенького суперкарго «Пытливого амуша» в Герметиконе слагали легенды. А уж когда они действовали в паре со здоровенным Чирой Бедокуром – шифбетрибсмейстером «Амуша», – вздрагивали целые планеты, не знающие, будут ли они только разгромлены или проданы по частям.

Но при этом ИХ Бабарский был действительно хорошим офицером: цепким, умным, прекрасно разбирающимся не только в положении дел на чёрном рынке.

– Установлено, что на вооружении противника стоят стандартные «Шурхакены», по всей видимости собственного производства, но под унифицированный патрон, благодаря чему суперкарго «Стремительного» восстановил потраченный боезапас. Также была захвачена уцелевшая рация, несколько электрических машин непонятного предназначения и какое-то алхимическое барахло…

– Ничего… э-эээ… интересного, – осмелился уточнить Мерса.

– Энди говорит, что оно не представляет интереса, – без смущения продолжил ИХ так, словно не расслышал алхимика. – А вот электрические машины нужно отдать Бедокуру – он любит всякое.

– Хорошо, – кивнул Помпилио. – Бедокур?

– С удовольствием, мессер, – почтительно кивнул здоровенный шифбетрибсмейстер. – Разберёмся.

– ИХ?

– У меня всё, мессер.

Совещание по традиции проводилось в кают-компании «Амуша» – самом большом из подходящих для этого помещений. Офицеры расположились в креслах и на диванах, дозволялось курить, а Теодор предложил напитки. Но несмотря на внешнюю умиротворённость собрания, вполне логичную после напряжённого дня, все его участники были абсолютно собранны и серьёзны, а если и позволяли себе вольности, то строго дозированно, шутили, но не превращали доклады в юмористические монологи.

Вёл совещание сам Помпилио, хотя обычно это было прерогативой Дорофеева – на правах капитана. Дер Даген Тур всегда подчёркивал положение Баззы и выступал только вторым номером, однако сейчас Помпилио был старше по должности – адмирал дер Жи-Ноэль назначил его командовать эскадрой, – и роль следовало играть до конца.

– Галилей?

– Да, мессер. – Астролог отказался от предложенного вина, зато периодически делал глоток-другой пятидесятиградусной бедовки из плоской фляжки. Однако на его способностях и умении мыслить это никак не отражалось. – Начну с того, что все уже и так понимают: мы совершенно точно находимся на относительно небольшой луне, планетоиде, а не планете. Однако здесь действует весьма приличная сила тяжести и есть атмосфера, хоть и не лучшая. Всё это позволяет сделать вывод, что мы имеем дело с аномалией Пустоты. Предположительно, с той же самой, которая воздействует на Мартину.

– Нет никаких сомнений, что с той же, – проворчал Дорофеев.

– Согласен, – кивнул Помпилио.

– А значит, мы на Близняшке, – продолжил Квадрига. – Что косвенно подтверждается весьма кратким… необычайно кратким прыжком через Пустоту. И проведёнными исследованиями одной из планет.

Астролог махнул рукой в сторону ближайшего окна.

– Одна из планет – Мартина? – прищурился Помпилио.

– Никаких сомнений, мессер. Я отыскал несколько ориентиров, которые отметил во время пребывания на Мартине, и не сомневаюсь, что скоро мы увидим чёрную горную систему, на которую прыгали с Пелерании.

– Ты сказал, что увидел звёзды.

– Теперь могу уточнить: частично.

– Объясни.

Пока «Пытливый амуш» вёл бой с катамараном и эвакуировал паровингеров, Галилей сидел в астринге, изучая новое небо с помощью «дальнего глаза», и теперь был полностью готов к докладу.

– Убедившись, что одна из планет – Мартина, я стал исследовать звёзды и вскоре наткнулся на ещё одну особенность действующей здесь аномалии: звёздное небо Близняшки чётко поделено на два сектора. В первом из них – я назвал его «сектором Мартины» – видна Пелерания, некоторые звёзды нашего сектора и Туманности Берга.

Квадрига замолчал, прекрасно понимая, что его перебьют, и не ошибся.

– На каком расстоянии находится Пелерания? – спросил дер Даген Тур. – Мы сможем на неё прыгнуть?

И все офицеры замерли, поскольку от ответа астролога зависело очень многое. Возможно – всё. Если астролог скажет, что прыжок возможен, это будет означать, что «Пытливый амуш» способен в любой момент добраться до

пограничной планеты лингийского сектора, сообщить о произошедшем и вернуться на Мартину в сопровождении ударной эскадры и мощного десанта – лингийцы никогда не отказывали себе в удовольствии расплатиться по счетам. А счётов к таинственным, но агрессивным обитателям Мартины накопилось много. И все они были подписаны кровью.

– Боюсь, мессер, что я могу только смотреть на Пелеранию, – вздохнул Галилей. – Она слишком далеко.

– Когда ты сможешь дать точный ответ?

– Вы знаете протокол, мессер: исследования и поиск точки перехода занимают не менее двух-трёх суток. Однако предварительные результаты не обнадёживают.

Квадрига заслуженно считался одним из лучших бортовых астрологов Герметикона. Абсолютно сумасшедшим даже по меркам этого безумного, пропитанного Пустотой братства, но одним из лучших. Если не самым лучшим. Он идеально чувствовал Пустоту, даже Знаки иногда предсказывал и никогда не давал пустых обещаний. Если он сказал: «Маловероятно!» – значит, до Пелерании не допрыгнуть.

Офицеры выслушали сообщение в абсолютной тишине.

– Хорошо… – Помпилио кивнул Теодору, и слуга долил в бокал вина. – Что со второй планетой?

– Это неизвестная планета, мессер, и я не взял на себя ответственность дать ей название. – Галилей машинально прикоснулся к карману, в котором лежала фляжка, но пить во время доклада не рискнул. – К тому же это было бы не совсем корректно.

– Что ты имеешь в виду?

– Планета обитаема, мессер.

А вот эта новость, несмотря на её значение, «бомбой» не стала – офицеры дер Даген Тура отличались экстравагантностью, но дураков среди них не было, и они уже поняли, что небольшая, безжизненная, со слабой атмосферой Близняшка вряд ли способна стать полноценной базой для флота, с которым они столкнулись. А поскольку Мартина явно была необитаемой, флот мог прибыть лишь со второй планеты.

– Она входит в Туманность Берга?

– Возможно, – очень осторожно ответил астролог.

– Что это значит? – нахмурился Помпилио.

– Я не узнаю звёзды, которые наблюдаю в её секторе, мессер. Ни одной знакомой.

Туманность не исследована, – мягко напомнил дер Даген Тур. – Мы не знаем, что видно с её планет.

– На самом деле примерно представляем, – не согласился с Помпилио Квадрига. И шмыгнул носом. – Вокруг Туманности есть несколько больших звёзд, хорошо видных и в «дальний глаз», и даже в телескопы. Астрологи видят дальше, чем прыгают, мессер.

– Об этом мне известно… – Помпилио помолчал. – Может, ты пока не увидел знакомые звёзды? Например, из-за текущего положения Близняшки?

– Понимаю, о чём вы говорите, мессер, но нет. Мы находимся на Близняшке уже шесть часов, и за это время я должен был увидеть хотя бы одну знакомую звезду в секторе неизвестной планеты. А их нет.

– Твой вывод?

– Вторая планета не относится к Туманности Берга.

– Где же она находится?

– Где угодно, – пожал плечами Галилей.

– То есть?

– Что ты имеешь в виду? – не выдержал Дорофеев.

Остальные офицеры слушали молча, но было видно, что они крайне заинтригованы сообщением Квадриги.

– Я предполагаю, что мы имеем дело с уникальным явлением, связывающим три небесных тела, – медленно, словно на ходу подбирая слова, произнёс Квадрига. – Аномалия, о которой мы постоянно говорим после перехода с Пелерании, связала Мартину и безымянную пока планету посредством Близняшки. Прыжки через Пустоту здесь короткие и наверняка обходятся без Знаков. Перейти с планеты на планету здесь так же просто, как сделать шаг…

– И оказаться в неизвестном секторе Герметикона, – протянул дер Даген Тур.

– Совершенно верно, мессер, – подтвердил астролог. – А поскольку я не увидел ни одной знакомой звезды, можно предположить, что этот сектор находится далеко за пределами изученного звёздного неба. Дальше, чем могут видеть астрологи.

– Три планеты в шаге друг от друга, – выдохнул Дорофеев. – Невероятно.

– Я сразу сказал, что появление на борту ведьмы не доведёт до добра, – тихо произнёс Бедокур. После чего выбрал один из висящих на груди оберегов и поцеловал его.

Офицеры посмотрели на него внимательно. Но промолчали. Потом посмотрели на ведьму, но Аурелия осталась спокойной.

– Что ты можешь сказать об аномалии? – продолжил расспросы Помпилио.

– Её природа нам неизвестна, как и всё, что связано с Пустотой, но раз ею активно пользуются, значит, аномалия существует давно. И, возможно, будет существовать вечно, – почти мгновенно ответил Квадрига. – Она нарушает все

известные физические законы и астрологические принципы, но она есть, мы её видим, и… и именно поэтому она – аномалия.

– Она открывает нам дорогу за пределы исследованного Герметикона, – добавил Дорофеев. – Только нам, мессер, ведь Пелерания – это единственные ворота на Мартину.

– Да, мне тоже нравится эта идея, – улыбнулся дер Даген Тур. – Но хочу напомнить, Базза, что воротами уже пользуются. Кто-то с той стороны.

– Однако их уровень развития сопоставим с нашим, – прищурился Дорофеев. – Они используют цеппели, в том числе – цеппели Тринадцатой Астрологической экспедиции, а значит, у них не так сильно развита промышленность.

– Или они не хотят показывать свои достижения.

– Или так. Полагаю, мессер, мы узнаем об этом в ближайшее время. – Дорофеев спокойно посмотрел на Помпилио. – Они сделают всё, чтобы от нас избавиться.

– Согласен… Мерса? Бедокур?

Дер Даген Тур не всегда задавал вопрос, на который хотел услышать ответ: его офицеры внимательно следили за ходом совещания, улавливали каждое произнесённое слово, прекрасно считывали контекст и понимали Помпилио с полуслова.

– Мы подготовим восемь следующих ракет в течение пяти… – Шиф покосился на алхимика, тот вздохнул. – В течение четырёх часов.

– Э-эээ… да, – подтвердил Мерса. И поправил очки. – Подготовим.

– Хорошо, – кивнул дер Даген Тур. – Меня немного смущает умение противника обрабатывать астрелий – это свидетельствует об очень высоком уровне познания, а также о том, что астрелия у них очень много.

Теперь Помпилио смотрел на Акселя.

– К сожалению, ни рулевой, ни офицеры ничего об этом не знают, – доложил Крачин. – Катамаран пришёл на их планету… кстати, она называется Урия… уже, если можно так выразиться, в собранном виде. Что же касается машины из астрелия, с нею работает очень узкий круг специалистов, которые не общаются с рядовыми цепарями и младшими офицерами.

– Логично. – Помпилио помолчал. – Урия…

– Будем называть так, – пожал плечами Базза. – В конце концов, нужно проявить уважение к туземцам.

– Да, будем называть так, – согласился дер Даген Тур. И продолжил расспросы: – Аксель, что мы уже знаем о планете?

– По нашим меркам – средний уровень развития. Неплохой, но не грандиозный. Многие технологии заимствованы в Герметиконе.

– То есть они давно знают о нас?

– Не менее пятидесяти лет.

– И всё это время мы ничего не знали и не подозревали об их существовании… Прелюбопытно… – Дер Даген Тур пошевелил пальцами и сделал маленький глоток вина. – Что-нибудь ещё?

– Я подготовлю полный отчёт в течение часа.

– Хорошо. Галилей!

– Да? – встрепенулся астролог.

– Я обратил внимание, что перед прыжком ты пребывал… гм… скажем так: не совсем в своей тарелке. Ты что-то вспомнил?

– Да, но воспоминания весьма обрывочные, мессер. Пока я не могу их систематизировать.

– Скорее, вспомнила я, – подала голос ведьма.

– Я так и подумал. – Помпилио перевёл взгляд на Аурелию и замолчал, давая понять, что ждёт продолжения.

Ведьма же выдержала короткую паузу, убедилась, что полностью завладела вниманием присутствующих, и рассказала:

– В первую очередь хочу вас огорчить, мессер: Галилей не был на Близняшке – только на Мартине. И то, что произошло после, я уловила очень плохо…

– Тогда что же ты прочитала в голове моего астролога? – неожиданно холодно спросил дер Даген Тур.

Ведьма вздрогнула, но её голос остался твёрдым:

– Рассказать сейчас?

– Да.

– Мы уходили, – неожиданно сказал Галилей. И без стеснения сделал большой глоток бедовки. – Я не помню всех деталей, а может, и не знал их никогда, но был приказ, и мы уходили… Бежали, если называть вещи своими именами.
Я пока не знаю, как пришла информация, но у астрологов и старших офицеров было чёткое понимание, что из северной полярной области Мартины звёзды видны всегда. Наши звёзды. И оттуда можно прыгнуть на Пелеранию. Поэтому Экспедиция оставила Сферу Шкуровича и пошла на север. Прямо по долготе. Не сворачивая и не останавливаясь, днём и ночью. На максимальной скорости.

– На максимальной скорости самого медленного цеппеля? – тихо уточнил дер Даген Тур.

Сначала офицеры не поняли зачем, а потом услышали ответ Квадриги и поняли, насколько важным был вопрос.

– Нет, мессер. – Ещё один глоток бедовки. – На Совете капитанов было принято решение идти на максимальной скорости, чтобы спасся хоть кто-то. Приказ:

идти на максимальной скорости и прыгать сразу, как только появятся знакомые звёзды. Прыгать сразу. Астрологи сидят в астрингах и щупают небо. Звёзд нет, но мы не уходим, продолжаем сидеть и щупать небо. Приказ – прыгать без приказа. Как только появится Пелерания – требовать остановки цеппеля и прыгать, потому что хоть кто-то должен уйти. Во всех капитанских сейфах лежат пакеты с отчётами, но, как я понял, ни один сейф до Герметикона не добрался… – Ещё одна пауза, только без бедовки. Галилей закрывает глаза. – Колонну замыкают доминаторы. Вот они идут со скоростью самого медленного цеппеля и должны первыми принять бой, но мы ошиблись. Я не знаю как, но враги оказались перед нами. Они точно знали, где нас искать. Я не знаю как, но они знали и оказались перед нами.

– Они смотрят отсюда, – вдруг сказал Дорофеев.

– Что? – Помпилио удивлённо посмотрел на своего капитана.

– Я думаю, они смотрят отсюда, – повторил Базза. – Через «дальний глаз» или нечто похожее. Близняшка хорошо видна с Мартины, а значит, Мартина хорошо видна с Близняшки.

– Пожалуй, вы правы, Базза, – качнул головой дер Даген Тур.

Они переговаривались тихо, и Квадрига не услышал. А может, и не смог бы услышать, даже если бы они кричали, – астролог полностью погрузился в воспоминания.

– Боевые цеппели прямо по курсу… Их немного, но нам хватило, мы ведь Астрологический флот, а не военный. Атаковать их – самоубийство… Мы начали маневрировать, дали в эфир условное сообщение, что путь закрыт, получив которое наши должны были сменить курс, но что делать, если путь закрыт? Мы пытались вырваться, но не получалось… один рейдер расстреляли… положили на землю… В конце концов нас согнали в кучу, и вместо звёзд явился гигантский цеппель… я его не видел – слышал крики с мостика по переговорной трубе… А потом… А потом он выкинул нас в Пустоту. Я не знаю, как это было, но знаю… чувствовал… понял, что цеппель потерял управление, завертелся, столкнулся с другим цеппелем… или с другими цеппелями… столкнулся так, словно невидимая рука стала сминать из нас шар… а потом швырнула в Пустоту.

Галилей замолчал.

– Больше он ничего не помнит, – тихо сказала ведьма. И добавила: – Пока.

И все поняли, что именно там скрыта главная тайна Квадриги: только он знает, что произошло в Пустоте и как ему удалось вернуться на искалеченном, переломанном цеппеле. Знает, но не помнит.

– Спасибо, Аурелия. – На этот раз голос дер Даген Тура прозвучал очень мягко.

– К вашим услугам, мессер.

Вспомнил Квадрига немного, ясности его воспоминания не прибавили, но тот факт, что Тринадцатая Астрологическая стала жертвой урийцев, а не аномалии, дер Даген Тур отметил особо. И ничего хорошего урийцам эта отметка не сулила.

– Хасина! – обратился Помпилио к медикусу после того, как Валентин вновь долил ему вина.

– Мессер?

– Я обратил внимание, что, оказавшись на Близняшке, команда начала испытывать трудности с дыханием.

– Совершенно верно, мессер, – подтвердил медикус. – Это обстоятельство не укрылось от моего взгляда, однако я решил не спешить с докладом до получения результатов проб.

– Ты их получил?

– Да, мессер. Насколько я понимаю, на Близняшке весьма своеобразная атмосфера, причём не её собственная…

Очередное странное заявление участники совещания встретили без особенного удивления – устали удивляться. Помпилио кивнул и приказал:

– Объясни.

– Мы до сих пор не встретили ни одного водоёма, мессер, не наблюдаем облаков, а размеры Близняшки, если я правильно помню обязательный курс астрологии, не позволяют предполагать, что она способна удержать атмосферу.

– Но она здесь есть.

– Именно так, мессер. – Глаза медикуса вспыхнули. – Я предполагаю, что мы дышим смесью атмосферы Мартины и Урии… с добавлением некоторых местных примесей, которые и вызывают замеченное вами затруднение. В настоящее время мы с Мерсой разрабатываем дыхательный фильтр, который нивелирует воздействие примесей.

Офицеры «Пытливого амуша» прекрасно знали свои обязанности и не нуждались в направляющих приказах. Оказавшись на Близняшке, Хасина сразу почувствовал неладное, опросил членов команды, понял, что першение в горле, кашель и затруднение дыхания наблюдаются не только у него, и тут же занялся изучением вопроса.

– К счастью, на борту есть достаточное количество респираторов, – продолжил медикус. – В течение двух часов я оснащу их новыми фильтрами.

– Респираторы? – удивился Помпилио.

– Это моя вина, мессер, – вклинился в разговор Бабарский. – После того случая на Цилибии, когда мы оказались в зоне действия вулканов и у команды возникли проблемы с дыханием, я решил держать на борту запас респираторов. А после того как в ходе боевых действий на Кардонии массово применяли отравляющие вещества, я добавил к ним комплект противогазов.

Офицеры «Амуша» отличались не только экстравагантностью, но и предусмотрительностью.

– Прекрасно, – одобрил дер Даген Тур.

– Благодарю, мессер.

– Что с остальными кораблями эскадры?

– На «Стремительном» точно есть респираторы и противогазы, я сообщил им формулу нового фильтра, а если нужно – сделаю фильтры для них, – вернул себе слово Хасина. – О состоянии дел на «Дэво» мне ничего неизвестно.

– Я спрошу галанитов на совещании капитанов. – Помпилио вздохнул. – Итак, все вы знаете, что нужно делать. Продолжайте.

///

– Аурелия.

– Адира.

Во время совещания ведьма то и дело ловила на себе взгляд Киры, догадалась, что рыжая хочет поговорить, и потому не торопилась покидать кают-компанию. Тем более что оба её «главных» спутника – Мерса и Галилей – были необычайно загружены текущими делами, особенно алхимик, и ведьма оказалась предоставленной самой себе. Как и Кира, которая после гибели паровинга получила от Дорофеева должность вахтенного офицера, но сейчас была не её смена.

– Я хотела поговорить с тобой, – произнесла рыжая, когда они с Аурелией остались в кают-компании одни.

– Разумеется, адира.

– Но если ты устала, разговор можно отложить.

Да, устала – сеанс с Галилеем во время прыжка на Близняшку дался Аурелии нелегко. Он получился быстрым, можно сказать – стремительным, но очень глубоким. То ли из-за мощного слияния их разумов, то ли из-за того, что оно случилось в Пустоте. Ведьма не знала, в чём причина, но вымоталась неимоверно, с удовольствием бы поспала несколько часов, но держалась, не желая показывать слабость остальным офицерам «Амуша».

– Я в порядке, адира.

– И тем не менее я бы рекомендовала тебе отдохнуть. – Кира тонко улыбнулась. – После нашего разговора.

– Спасибо, адира.

– Он не затянется.

Аурелия промолчала.

– Собственно, у меня всего два вопроса. – Рыжая посмотрела на бокал, в котором закончилось белое вино, однако звать Валентина не стала. – Первый: я заметила, что Мерса стал твоим постоянным спутником. – Ещё одна улыбка. – Оба Мерсы.

– Да, это так, – не стала отрицать ведьма.

– Он в тебя влюблён.

Аурелия с трудом подавила порыв с возмущением свернуть разговор. И не потому, что испугалась показаться грубой, нет. Когда оторопь, вызванная неожиданным заявлением, прошла, ведьма поняла, что Кира лезет в её личные дела отнюдь не из женского любопытства – рыжая кошка защищала не только Помпилио, но и его офицеров. Каждого из них. И не желала, чтобы кто-либо причинил алхимику боль.

– Вы правы, адира, – тихо ответила ведьма. – И Энди, и Олли влюблены в меня.

– Ты отвечаешь им взаимностью или просто развлекаешься?

– Я – спорки, – ещё тише, хотя казалось, что это уже невозможно, произнесла Аурелия. – Мне трудно поверить в искренность чувств.

И рыжая вздохнула.

Спорки – нечистые – потомки тех, кого ужасный Белый Мор не убил, а переломал. Большинство из них были уродливы внешне, рождались с отклонениями, вызывали отвращение и страх такой силы, что им хотели отказать в праве считаться людьми, но ведьмы, женщины, обладающие необычайно сильными гипнотическими способностями, появлялись только среди них. И благодаря им астрологи перестали убивать себя. Ведьмы заставили людей принять спорки, но именно заставили: барьер сохранился. И это был непреодолимый барьер.

Но далеко не все нечистые оказались уродами: синеволосые кугианцы отличались тонкой, удивительной красотой, и Аурелия была из их числа.

– Сейчас Мерса влюблён, очарован, однако рано или поздно он начнёт задумываться над тем, что я – спорки, а он – нет. Этот момент обязательно наступит, и я не хочу его переживать.

– Возможно, – мягко произнесла Кира. – Но мы обе знаем, что у Мерсы это в первый раз. Он искренен в своих чувствах и не видит никого, кроме тебя. Не нужно быть ведьмой, чтобы это понять, – достаточно того, как он на тебя смотрит.

– Я знаю, адира. И я…

– Ты права в том, что ему необходимо как можно скорее задуматься о будущем. Однако я уверена, что Мерса от тебя не откажется.

– Я не знаю примеров счастливых союзов между людьми и спорки, – грустно сказала Аурелия.

– В таких делах необычайно важно отношение окружающих, – серьёзно ответила рыжая. – Ты знаешь мою историю: я – простолюдинка, инопланетница, я была помолвлена, но высший свет Линги принял меня. И не только Линги.

– Вы – настоящая адира. – Ведьма чуть склонила голову. – И настоящая лингийка.

– А у тебя есть шанс оказаться среди тех, кто не будет относиться к тебе с предубеждением. Оказаться вместе с человеком, который тебя любит. Подумай

об этом.

– Вы обещаете мне помощь?

– Всё зависит от того, как ты относишься к Мерсе, – не стала скрывать Кира. – Если твои чувства такие же искренние, как его, я помогу вам всем, чем смогу.

– Спасибо.

– Я ещё ничего не сделала. – Рыжая помолчала. – А теперь поговорим о Галилее.

– Это очень хорошая мысль, адира, – кивнула ведьма. – Сейчас мои воспоминания свежи и отчётливы.

– Потом ты их забудешь? – Кира удивлённо подняла брови.

– Потом они станут менее эмоциональны, – уточнила Аурелия. – С течением времени ощущения от сеанса станут более… прагматичными. Но случается так, что именно в эмоциях скрываются очень важные детали.

– Почему ты не предложила мессеру поговорить об этом?

– Потому что видела, что вы меня не отпустите.

– Ты умна, – рассмеялась рыжая.

– Скорее, наблюдательна.

И прежде, чем звук её слов растаял, Кира резко спросила:

– Ты действительно не можешь передать, что Галилей видел потом?

– Действительно, – твёрдо ответила ведьма, глядя рыжей в глаза. – Но я чувствую, что больше Галилей не боится того, что там случилось.

– Это эмоция?

– Да.

– Важная?

– Очень.

– И ты не знаешь того, чего он не боится?

– Нет.

– Понятно… – Кира помолчала. – Главная тайна там?

– Да.

– Ты сможешь до неё докопаться?

– Я постараюсь.

– Что будет это стоить лично тебе?

– Много, – не стала скрывать ведьма. – Но я доберусь. Я обещала.

– Хорошо. – Оспаривать принятое решение рыжая не собиралась. Её интересовало другое: – Аурелия, ты ведь понимаешь, что в голове Галилея спрятана очень важная тайна?

– Многие так считают, – вздохнула ведьма.

– А значит, она не должна оказаться не в тех руках.

– Не окажется, – твёрдо пообещала ведьма.

– Хорошо, – повторила Кира. – В таком случае ты можешь идти.

Они пообещали очень важные услуги, и теперь всё зависело от них: станут они полностью доверять друг другу или кто-то из них умрёт.

Аурелия поднялась, поклонилась, сделала шаг к двери, но остановилась и обернулась:

– Я хочу добавить… В аномалии есть что-то такое, что помогает Галилею вспоминать. Я пришла в этому пониманию интуитивно, но наш сеанс получился благодаря этому – тому, что я провела его в Пустоте.

– Не сомневалась в твоём уме, Аурелия, – мягко повторила комплимент Кира.

– И ещё… – Пауза. – В аномалии Галилей ведёт себя так, словно возвращается домой.

– Дом там, где родился.

– Здесь он родился, адира, – вдруг сказала ведьма. – Здесь он родился после того, как здесь он умер.

///

– Капитан дер Шу.

– Мессер. – Командир импакто «Стремительный» вытянулся и по-уставному отдал честь.

– Капитан Капурчик.

– Командор. – Галанит ограничился лёгким поклоном. И уважение продемонстрировал, и независимость подчеркнул: он не служил ни в лингийской армии, ни в Астрологическом флоте и мог себе позволить некоторую вольность.

– Располагайтесь.

Два цепаря с «Амуша» доставили для Помпилио большое «походное» кресло – хоть и складное, но резное, с позолоченными элементами и очень удобными кожаными подушками, – в котором дер Даген Тур с удобством устроился. После чего принял из рук Валентина кружку с горячим кофе и задумчиво посмотрел на чёрный напиток. Капитанам – Дорофееву, дер Шу и Капурчику – было предложено рассесться на стоящих поблизости валунах: что поделать – в полевых условиях приходится терпеть лишения. Но кофе им предложили.

Последние шесть часов маленькая эскадра шла на максимальной скорости, строго соблюдая режим радиомолчания. И им везло: ни вражеских цеппелей, ни каких-либо сооружений по пути не встретилось – указанный пленником курс действительно оказался безопасным. В итоге дер Даген Тур решил, что они достаточно оторвались от возможной погони, приказал приземлиться и провести совещание очно.

– Мой астролог внимательно изучил взятые на катамаране карты и в целом согласен с курсом, которым эскадра следует в настоящее время. – Помпилио снял респиратор и сделал большой глоток кофе. – На Близняшке расположены две крупные базы противника, и сейчас мы движемся прочь от них, в области, в которые урийские цеппели заходят крайне редко. Но нет никаких сомнений в том, что нас будут старательно искать, а значит, обязательно найдут. Будем исходить из предположения, что сил у противника достаточно, и нужно тщательно продумать дальнейшие действия…

– Мы видим звёзды! – не выдержал Капурчик. – Мой астролог сказал, что узнаёт Пелеранию.

Резко воскликнул – и резко замолчал, поймав на себе осуждающие взгляды лингийских капитанов и высокомерный – дер Даген Тура. Опомнился и виновато произнёс:

– Извините, командор. – Причём действительно виновато, что отметили все присутствующие. Может, галанит и не любил адигенов, но что такое субординация, понимал.

Вновь пауза, нужная для того, чтобы Помпилио сделал глоток кофе. После чего совещание продолжилось:

– Мы действительно видим звёзды, однако мой астролог не уверен, что мы сможем до них допрыгнуть. Расчёты не закончены, но Галилей, как показывает опыт, редко ошибается. Ты согласен с выводом моего астролога?

– Да, полностью. – Капурчик отвёл взгляд. – Прыгать без расчётов – самоубийство.

– Именно, – весомо подтвердил дер Даген Тур. – Сейчас мы точно знаем одно: чтобы гарантированно уйти на Пелеранию, нужно вернуться на Мартину и добраться до полярной зоны.

– С полюса Мартины действительно видны звёзды? – уточнил дер Шу.

– Галилей в этом уверен.

– Он вспомнил?

– Частично.

– Почему вы не хотите воспользоваться этим вариантом? – немедленно осведомился Капурчик. – Мы уже знаем достаточно: обитатели Мартины, вернее Урии, опасны, агрессивны и причастны к гибели Тринадцатой Астрологической экспедиции. А теперь – и Девятнадцатой. Полагаю, нам следует как можно скорее поделиться этой информацией с… – галанит сбился. – С сообществом Герметикона…

– Вернуться и навести порядок, – добавил дер Шу. – При всём уважении, мессер, следующим на Мартину должен прибыть не Астрологический, а ударный флот.

Капитан «Стремительного» был потомственным военным и план действий набросал мгновенно: разведка показала высокий уровень агрессии противника, задача – сделать так, чтобы у противника не осталось сил на проявление агрессии, решение – ликвидация вражеского флота и бомбардировка наземных баз. После чего можно приглашать политиков вести переговоры. В смысле – диктовать условия. И стоять за их спинами, ненавязчиво намекая представителям той стороны, что следует побыстрее соглашаться со всем, что будет предложено.

– Да, это разумно, – согласился дер Даген Тур. Будучи и военным, и лингийцем, он прекрасно представлял ход мыслей дер Шу.

– Тогда в чём заминка? – осторожно спросил Капурчик.

– Воспоминания Галилея весьма отрывочны, однако из них следует, что урийцы очень плотно контролируют Мартину. Я не знаю как, но учитывая, что они далеко продвинулись в исследовании астрелия, можно предположить, что урийцы располагают неизвестными нам технологиями слежения.

Помпилио замолчал и посмотрел на Дорофеева.

– Я выдвинул предположение, что на Мартине мы будем уязвимы, – включился в разговор капитан «Амуша». – А ещё одно столкновение с их флотом мы не переживём.

– Вы перестали верить в себя, капитан? – притворно удивился галанит, за что удостоился хмурого взгляда дер Шу.

– Я верю, что урийцы будут действовать умнее и больше не подпустят «Амуш» на расстояние ракетного залпа, – хладнокровно ответил Дорофеев. – А в артиллерийской дуэли мы проиграем.

– Позволите вопрос, мессер?

– Конечно, капитан. – Помпилио перевёл взгляд на дер Шу.

– Вы не уточняли у астролога, сможем ли мы сразу прыгнуть на полюс Мартины?

– Галилей проверил – не получится. – Дер Даген Тур поправил респиратор. Затем снял его, оглядел и показал Валентину: – Он некрасивый.

– Я обязательно это поправлю, мессер. – Теодор слегка поклонился.

– Хорошо. – Помпилио вернул респиратор на лицо и продолжил разговор: – К сожалению, Близняшка и Мартина так расположены относительно друг друга, что прыжок непосредственно в северную полярную зону невозможен.

Ближайшая точка – двести лиг до полярного круга. Дальше придётся идти по Мартине.

– Я бы рискнул, – сказал после длинной паузы Капурчик. – Информация того стоит.

– Мы узнали относительно мало, – обронил Помпилио.

– Вы заполучили все карты и атласы с катамарана, – мягко произнёс Капурчик. – И наверняка – не только Мартины.

– Не только, – подтвердил дер Даген Тур. – У вас будет к ним доступ.

– Ко всем?

– Ко всем. Я помню о договоре, заключённом между Астрологическим флотом и галанитским правительством.

– Благодарю, командор.

– Это излишне. Карты, безусловно, весьма ценный приз, но мне интересна сама Урия… – Помпилио бросил быстрый взгляд на таинственную планету. – Мне интересно, что они умеют и знают и что они вообще из себя представляют. Нужно больше информации. А значит, нужно задержаться.

Капурчик по очереди посмотрел на Дорофеева и дер Шу, увидел, что ожидал: абсолютное спокойствие и полное согласие с решением дер Даген Тура, и удивлённо выдохнул:

– Нужно задержаться?

– Да.

– Но почему?

– Потому что у них есть как минимум одна машина из астрелия, – объяснил Помпилио. – Мы ничего не знаем об этой машине, и я не хочу, чтобы ударный флот, если у нас получится его вызвать, погиб от неизвестного оружия. Мне больше нравится, когда наши побеждают. – Помпилио улыбнулся, но, поскольку носил маску, капитан «Дэво» понял это по появившимся вокруг глаз морщинкам. – Ну, ты знаешь, Капурчик.

– Да, я знаю.

Последним чужим солдатом, побывавшим на Галане, был лингиец. И не просто лингиец, а прямой предок дер Даген Тура – именно Кахлесы спланировали и провели безумно рискованный рейд, во время которого захватили императорский дворец и полностью – до последнего человека – истребили род Инезиров. Заставив горько пожалеть о том, что во время войны Эдуард Инезир не сумел полностью – до последнего человека – истребить род Кахлесов. После развязанной Инезирами войны остался лишь один Кахлес, после рейда Кахлесов не осталось ни одного Инезира.

– Что же касается Мартины, то хочу напомнить, что на ней остались два наших вымпела.

– Извините, командор, два? – переспросил Капурчик.

– «Эл Шидун» и «Дрезе», – уточнил Дорофеев.

Ответ вызвал ещё большее удивление.

– Простите мои сомнения, но если я правильно помню, «Дрезе» был подбит артиллерийским огнём с катамарана?

– Был подбит, но не погиб, – ответил Дорофеев. – Капитан Жакомо совершил жёсткую посадку, но он опытный офицер и в настоящий момент наверняка предпринимает все необходимые меры для восстановления цеппеля.

– Откуда вы знаете?

– Если есть хоть малейшая возможность вернуться в строй – он вернётся в строй. Таков закон. Капитан Жакомо тридцать лет во флоте и прекрасно понимает, что должен делать в сложившихся обстоятельствах.

– А если «Дрезе» сильно повреждён?

– Перейдёт на «Шидун».

Галанит чуть склонил голову, показав, что услышал и согласен с услышанным, и задал следующий вопрос:

– Хорошо, на Мартине два вымпела. И что нам это даёт?

– Я рассчитываю, что они вернутся на Пелеранию и доложат обо всём случившемся, – хладнокровно ответил дер Даген Тур. – Они знают, что нужно идти на север.

– Вы сказали, что Мартина плотно контролируется урийцами, – припомнил Капурчик.

– Надеюсь, в ближайшее время урийцы будет слишком заняты нами и упустят наших друзей.

– А что предполагаете делать вы? Исследовать Близняшку?

Помпилио посмотрел на Дорофеева. Тот на мгновение замер, а затем поднял вверх большой палец. Вокруг глаз дер Даген Тура вновь собрались морщинки, и он уверенно ответил:

– Я предполагаю сделать шаг, которого от нас совершенно точно никто не ждёт.

* * *

«Интересно, а каково это – быть нормальным?»

из дневника Андреаса О. Мерсы alh.d.

Глава 2

в которой Помпилио излагает весьма рискованный план, Бедокур ничего не понимает, капитан дер Шу не собирается только убегать, Бабарский делится шоколадом, Шилов идёт на север, а Галилей не уверен, что ведьма поступила правильно

– Я понятия не имею, что меня там ждёт, – хладнокровно ответил Помпилио. И поправил респиратор. – Собственно, именно поэтому я отправляюсь на Урию – чтобы узнать, что она из себя представляет и что там происходит.

– Вот видите! – Дер Шу выдержал короткую паузу. – Мессер, вы не знаете, что вас ожидает на планете, обитатели которой очевидно враждебны Герметикону, однако собираетесь отправиться на неё без сопровождения.

Неожиданное решение дер Даген Тура повергло капитана «Стремительного» в ужас. Но не сразу, разумеется. Услышав, что Помпилио собирается предпринять рейд на Урию, дер Шу коротко кивнул, показывая, что раз решение принято, обсуждать его он смысла не видит – когда прыгаем? Но услышав, что в разведку отправляется только «Амуш», принялся бурно выражать несогласие.

– При всём уважении, мессер, в обычном воздушном бою огневая мощь вашего рейдера оставляет желать лучшего. Я не говорю, что «Стремительный» представляет собой грозного противника, но я могу не только поддержать вас огнём, но прикрыть отступление, задержать врага, чтобы дать вам время уйти в Пустоту.

Дар Антонио прикомандировал дер Шу к Девятнадцатой Астрологической экспедиции с одной-единственной целью – обеспечивать безопасность Помпилио, и капитан «Стремительного» был преисполнен решимости любой ценой выполнить поставленную перед ним задачу. И плевать, что от Экспедиции осталось только три вымпела, оказавшихся на весьма странной луне. Плевать, что их преследуют вражеские корабли, а они понятия не имеют, как вернуться

домой. На всё плевать! Дер Шу собирался исполнять свой долг, даже застрянь цеппели в Пустоте, но для этого он должен находиться рядом с «Амушем».

– Я понимаю твои опасения и принял их к сведению, – проворчал дер Даген Тур. После чего снял респиратор, оглядел его, убедился, что он по-прежнему некрасивый, и бросил на Валентина укоризненный взгляд. Валентин в лице не изменился.

– Благодарю, мессер, – вздохнул дер Шу, поняв, что другого ответа не будет.

Помпилио кивнул и перевёл взгляд на галанита:

– Капурчик?

– Я присоединяюсь к просьбе капитана дер Шу, командор, и хотел бы сопровождать вас на Урию. Полагаю, вы прекрасно понимаете причину моей просьбы.

Галаниты заключили с Астрологическим флотом сделку, и Капурчик, опасаясь гнева всесильных директоров Компании, не хотел прерывать исследования на самом интересном месте. И если совсем честно – его по-настоящему тянуло посмотреть на новую, только что открытую, но обитаемую, развитую, пусть и враждебную планету. Как и Помпилио, Капурчик всю жизнь исследовал новые миры и не хотел пропускать, наверное, самое важное путешествие в жизни.

– Да, капитан, понимаю.

– Благодарю, командор. – Галанит помолчал. – Означает ли ваш ответ согласие?

– Нет, капитан, не означает. – Дер Даген Тур побарабанил пальцами по подлокотнику кресла. – Я по-прежнему намереваюсь отправиться на Урию без какого-либо сопровождения, только на «Пытливом амуше», но даю слово предоставить тебе полный отчёт о проведённой разведке. Моё слово, Капурчик.

Несколько мгновений галанит молчал, после чего уточнил:

– Вы даёте мне слово? – выделив голосом «мне».

– Да.

– Благодарю, командор. Я отзываю свою просьбу.

Дер Шу, рассчитывавший на поддержку капитана «Дэво», бросил на него мрачный взгляд, но промолчал. Дорофеев едва заметно улыбнулся, но из-за респиратора понять это можно было лишь по глазам.

– Теперь я объясню причины своего решения, – спокойно продолжил Помпилио. – Во-первых, и полагаю, это всем очевидно, я не собираюсь проводить детальное исследование Урии: у меня нет для этого ни времени, ни возможности. Я отдаю себе отчёт в том, что окажусь на вражеской территории и должен действовать скрытно. А спрятать один цеппель намного проще, чем несколько.
Я отправляюсь на Урию за информацией и заинтересован в том, чтобы доставить её по назначению. Рейд будет быстрым: разведка – возвращение.

– Всё так, – едва слышно подтвердил слова Помпилио Дорофеев.

– Успех предприятия полностью зависит от того, сумеем ли мы сохранить наше пребывание на Урии в тайне, и один из важнейших элементов её сохранения заключается в том, чтобы противник даже не думал о том, что «Амуш» может находиться на Урии. А для этого «Стремительному» и «Дэво» необходимо демонстрировать наше присутствие здесь. Близняшка не настолько велика, чтобы исчезнуть бесследно. И если противник потеряет наш след, то быстро сообразит, что мы ушли с луны, возможно – на Урию, и организует поиск. А я бы хотел изучить Урию пусть и быстро, но без лишних помех. – Пауза. – Я не просто предлагаю вам остаться на Близняшке, капитаны, я поручаю вам чрезвычайно опасное дело. Именно от вас будет зависеть не только успех рейда и благополучное возвращение «Амуша», но и моя жизнь, и жизни всех членов экипажа. – Взгляд на дер Шу: – Теперь понятно?

– Что нам нужно делать, мессер? – быстро спросил командир лёгкого крейсера.

– Обозначать присутствие. К счастью, и «Дэво» и «Стремительный» обладают высокой скоростью, которая, надеюсь, поможет вам избежать боевого столкновения.

– Согласен.

– Нужно будет показываться в паре? – поинтересовался галанит.

– Не всегда, – твёрдо ответил дер Даген Тур. – Если урийцы будут всё время наблюдать два цеппеля, они обязательно зададутся вопросом: где третий? Поэтому в какой-то момент вам придётся разделиться. А затем – вновь сойтись. И вновь разделиться.

– Логично.

– Согласен.

– Сколько времени вы планируете пробыть на Урии?

– Я предполагаю провести разведку за двое стандартных суток, – медленно произнёс Помпилио. – Третьи – резервные. Если «Амуш» не вернётся через семьдесят два часа после прыжка, я приказываю вам отправляться на Пелеранию.

Капурчик кивнул.

– Дер Шу?

– Прошу прощения за назойливость… – начал было капитан «Стремительного», однако дер Даген Тур знал, что хочет сказать дер Шу, и чуть повысил голос:

– Если я не вернусь через семьдесят два часа, ты обязан вернуться домой и доложить обо всём дару Антонио. Вопросы?

– Никак нет, мессер. Будет исполнено.

– Хорошо. – Помпилио сделал знак слуге, Валентин подошёл и раскрыл чёрную тубу. – Это копии взятой на катамаране карты Близняшки с отметками всех баз и станций урийцев. На ней отдельно отмечена зона, в которую я собираюсь вернуться с Урии. Через двое суток вы должны быть там.

– Понятно, – кивнул дер Шу, разглядывая карту.

– Принято, – вздохнул Капурчик.

– Хорошо. – Дер Даген Тур выдержал короткую паузу. – А теперь давайте определим план действий.

* * *

«Когда мессер Помпилио решил взять меня в команду «Пытливого амуша»… Да, это было именно так: мессер Помпилио решил взять меня в команду, а не предложил место. Ну, нужно знать мессера, чтобы понимать, почему всё было именно так… Но это давняя история. Так вот, я, конечно, имел право отказаться, но после некоторого размышления принял предложение занять должность корабельного алхимика, а потом поступил на службу в Астрологический флот… но это тоже другая история… Я просто хотел сказать, что, поднимаясь на борт «Пытливого амуша», я прекрасно понимал, что меня ждут необычайные приключения, и дальнейшие события подтвердили мою догадку. Приключений мне хватило с головой, но в основном – военных приключений. Мы воевали с самим Нестором Гудой, сражались с пиратами, едва не сожгли город, потом едва не сожгли другой город, ещё я помогал грабить выставку драгоценностей – но всё закончилось хорошо, потому что мессер приказал Бабарскому вернуть жемчуг… Потом мы оказались на планете, с которой не видны звёзды, а теперь собираемся прыгнуть на неизвестный, но развитый и враждебный мир, обитатели которого сделают всё, чтобы нас уничтожить. И я вдруг подумал, каким наивным был, когда мечтал о тихой и спокойной жизни владельца собственной, пусть небольшой, но приносящей стабильный доход алхимической лавки…»

из дневника Андреаса О. Мерсы alh.d.

* * *

«Энди, какое же ты трепло!»

из дневника Оливера А. Мерсы alh.d.

* * *

Единственное, что можно было с точностью утверждать о невероятной аномалии, которой Пустота связала Урию, Мартину и Близняшку, так это то, что возникла она отнюдь не в момент их сотворения. Какие бы силы ни были задействованы, какой бы случай ни сыграл здесь бурную увертюру, превращая тихое течение жизни в необыкновенный концерт, произошло это после того, как были сформированы планетарные системы Урии и Мартины, а до тех пор Близняшка была то ли спутником одной из них, то ли моталась по бескрайней Пустоте в одиночестве. Об этом свидетельствовала не только совершенно мёртвая поверхность, на которой до сих пор не появилось ни воды, ни растительности, но и кратеры, в том числе гигантские – следы столкновений с крупными метеоритами.

Кратеры, высокие горы, равнины, усеянные обломками скал, и бессмысленная пыль, настолько тяжёлая, что не всякий ветер мог заставить её подняться – таким был обычный пейзаж Близняшки. А ещё – редкие станции связи и снабжения, чтобы цеппелям, случись что, было где пополнить необходимые запасы, рудники с перерабатывающими комбинатами и самый большой комплекс, можно сказать, столица Близняшки – Фабрика, на которую свозилась обогащённая руда со всей луны.

Когда-то давно Канцлер назвал это поселение городом и даже дал имя. Одно из своих имён, однако вскоре понял, что поторопился: полноценным городом это важнейшее для его планов поселение не стало, да и не могло стать, учитывая, что всё, абсолютно всё, включая воду и пуговицы, на безжизненную Близняшку приходилось доставлять с Урии. Поняв это, он распорядился перестать использовать в документах термин «город», данное поселению имя стало постепенно исчезать, забываться, и теперь сердце Близняшки называли исключительно Фабрикой.

Канцлера это устраивало.

Располагалась же Фабрика в одном из самых больших и глубоких кратеров, который он, впервые увидев, в шутку назвал Озером Надежды. И не ошибся. Именно в Озере благодаря его глубине порода выходила к самой поверхности.

Здесь Судьба открыла ему путь на вершину.

Осталось лишь пройти его.

Пройти, совершив как можно меньше ошибок.

Канцлер знал, что нужно делать, и применил все свои организаторские способности, чтобы заполучить необходимое. Через десять лет в Озере появился рудник, заработал комбинат, появились алхимические лаборатории, а вслед за ними – целые алхимические производства. Появились первые изделия – копии, воспроизводящие достижения Герметикона и разработанные им лично, ставшие результатом размышлений, опытов и гения. Он совершил грандиозный рывок, опередил современную науку на множество шагов, по праву гордился собой и не хотел, чтобы плодами его усилий воспользовался кто-то другой.

Он прошёл большой путь, но знал, что находится в самом начале.

И собирался подняться немыслимо высоко. И оставаться наверху немыслимо долго.

Оставаться всегда.

///

– Фабрика.

– Вижу, – мрачно ответил Магистр. – Не слепой.

Он неплохо ориентировался на Близняшке, особенно в центральном районе, давно увидел, что забравший их цеппель приближается к Озеру Надежды, и настроение его окончательно испортилось. Толстяк принялся срываться на подчинённых и слегка грубить Третьему и Капитану, однако скандала не случилось – все понимали, что Магистр боится. Да, он напомнил офицерам, что решения они принимали «сообща», и по дороге напоминал ещё трижды, однако главный спрос всё равно будет с него. Его Канцлер назначил главным, от него ждал победной реляции, а получил жестокую оплеуху и необходимость поиска пришедших на Близняшку лингийцев. На Близняшку! Которую Канцлер приказал

беречь как зеницу ока. Магистр понимал, что не оправдал доверия верховного правителя Урии, и с ужасом ждал наказания.

Срывался на подчинённых.

А в некоторые моменты вёл себя настолько грубо, что Третий убедил капитана импакто покинуть мостик, а сам держался между Магистром и рулевым, чтобы взгляд толстяка лишний раз не падал на ни в чём неповинного цепаря.

– Есть новости от поисковой эскадры?

– Нет, – буркнул в ответ Капитан, принявший на себя обязанности вахтенного офицера.

– Бездельники!

– Близняшка большая…

– Всё равно – бездельники! – Магистр громко выругался и вновь замолчал, невидяще уставившись в левое боковое окно и подперев подбородок кулаком. – Ублюдки, ленивые ублюдки…

Первый крейсер подошёл к месту гибели катамарана – толстяк предпочитал называть его «местом вынужденной посадки» – через два с половиной часа после получения сигнала бедствия, за что его командир удостоился от Магистра жесточайшей выволочки. Пока приземлялся, пока толстяк поднялся на борт и добрался до радио, прошло ещё полчаса, в итоге у лингийцев оказался такой выигрыш времени, что преследовать их по горячим следам было нелепо. Магистр распорядился начать системный поиск, сообщил в Оперативный центр о происходящем и получил приказ немедленно прибыть на Фабрику.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Значение этого и других принятых в Герметиконе терминов можно посмотреть в словаре.

2

Урийцы называют Мартину и Близняшку иначе, но чтобы избежать путаницы, в романе приняты лингийские названия планет.

Купить: https://tellnovel.com/ru/vadim-panov/trio-neizvestnosti

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить